

ЕВГЕНИЙ
РЯКИН

ИНТИМНЫЕ ТАЙНЫ ОБЫЧНОЙ СЕМЬИ

18+

18+

Евгений Рякин

Скорлупа

«Автор»

2026

Рякин Е.

Скорлупа / Е. Рякин — «Автор», 2026

Размеренная жизнь семейной пары, двадцать лет прожившей в браке, рушится в один момент. Супруга, измученная годами однообразия в постели, ставит мужу ультиматум: она жаждет раскрепощения и требует от него смелых экспериментов — порой противоречащих его представлениям о морали. Не желая терять семью, он, скрепя сердце, соглашается исследовать границы дозволенного. Но с каждым днём её запросы становятся всё смелее, а фантазии — безумнее, выходя за рамки всего, что он считал возможным. То, что начиналось как отчаянная попытка оживить близость, превращается в опасный танец на грани, затрагивая самые сокровенные стороны их отношений. Остро чувствуя, что за этими переменами кроется нечто большее, чем просто жажда новизны, муж решает выяснить их истинную причину. Шаг за шагом он приближается к шокирующей правде, которая оказывается куда страшнее любых предположений. На кону оказываются не только их любовь и доверие, но и сама жизнь.

© Рякин Е., 2026

© Автор, 2026

Евгений Рякин

Скорлупа

СКОРЛУПА

«Жёлтый лист задрожал, но расстался, с ветром вальс закружив в унисон; оторвавшись от ветки, пытался убедить себя — это не сон. Разнесло в клочья кровные узы и ничем не загладишь разрыв; от скреплённого небом союза беспощадный уносит порыв. Никогда не вернётся, что было, не придёт, что навечно ушло. Может быть, и она разлюбила, может быть, он ей сделал назло? Ни к чему теперь эти вопросы, и ответы на них — ни к чему. Сквозь разлуки прогорклые слёзы вихрь несёт его в тлен и во тьму. Даже если она пожалеет и покается в том, что слепа, он в ту пору безмолвно истлеет и покроет его...»

Митя Осилин вытянул вперёд губы, опустил очи долу и, сосредоточенно кусая шариковую ручку, напряжённо задумался, пытаясь подобрать подходящую рифму. В голову шли зловещие и абсолютно неуместные «черепа», бессмысленная в данном контексте «шантрапа» и неведомо откуда взявшаяся в его лексиконе «голытьба». А ещё на кончике языка крутилась, хоть и аппетитная, но совершенно не подходящая по ритму «шурпа». Впрочем, это легко объяснялось усиливающимся чувством голода, которое подсказывало: приближалось время ужина, а значит, совсем скоро с работы домой должна была вернуться его дорогая супруга Виктория Романовна.

Творчество требует свободы, а брак — компромиссов, поэтому к её приходу следовало основательно подготовиться, поскольку именно сегодня ему не миновать неприятного с ней разговора.

От осознания этого обстоятельства мысли его совершенно смешались, как листья, подхваченные порывом осеннего ветра. Так и не придумав нужного созвучного слова, Митя с сожалением захлопнул тетрадь со «стихопрозой», как он называл свои вирши, и убрал её вглубь ящика старенького секретера, спрятав под кипу рабочих бумаг, для пущей надёжности накрыв их сверху увесистым томиком комментариев ко второй части Гражданского кодекса.

Отточенным движением Митя вытянул из лотка картонную папку с очередным пакетом документов, раскрыл её, небрежно бросив на стол, отчего она недовольно взмахнула тряпичными завязками, оскорбительно застыв в неловкой позе. Более не обращая на неё внимания, он предусмотрительно оставил включенным свет настольной лампы и, шлёпая по линолеуму босыми ногами, направился к покосившемуся шкафу, дабы поскорее облачиться в домашнюю одежду, поскольку супруга его испытывала неприязнь к внешнему виду мужа, ежели заставляла его в одних семейных трусах и шерстяных носках на босу ногу.

Конечно, Митина фигура и раньше, в пору далёкой молодости, не отличалась атлетизмом, а уж теперь, когда возраст его приближался к пятидесяти годам, и вовсе производила удручающее впечатление — впрочем, самого хозяина это ничуть не тревожило.

Иное дело — Виктория: строгая, решительная женщина, привыкшая поддерживать какую-никакую гармонию в их скромной квартирке на четвёртом этаже обшарпанной хрущёвки. Неэстетичные очертания худощавых рук и ног супруга, резко контрастирующие с округлым животом и двумя крупными складками на боках, неизменно вызывали у неё приступ раздражения. А допускать оно сегодня нельзя было ни в коем случае.

Вспышек её агрессии, внезапных и порой беспричинных, Митя не то чтобы боялся, но опасался до крайности: ему казалось, что в такие минуты она ненавидит его всей душой и готова буквально растерзать. Теряя над собой контроль, благоверная, бывало, безо всяких на то оснований устраивала первостатейный скандал, перерастающий в истерику, с остервенением выплёскивая на него ушат помоев, накипевших на медленном огне её нереализованных

желаний и несбывшихся надежд. По счастью, подобный всплеск эмоций продолжался недолго, быстро лишая сил их обоих.

Но если Митя после очередной перепалки чаще всего обидчиво дулся, закрываясь в своей комнате, то его жена испытывала подлинные телесные муки: её настигала сильнейшая мигрень и пугающая слабость. Пульсирующая в висках головная боль, от которой не помогало даже сильное обезболивающее, сдавливала череп железными тисками. Головокружения накатывали внезапно, без причины: лицо стремительно бледнело, а взгляд, прежде полный гнева, становился пустым и отрешённым. Иногда он замечал, как она брезгливо вздрагивала, когда по коже пробегала колючая волна мурашек — словно невидимые иголки кололи её плечи.

Задёрнув шторы, без сил падая в кресло, погрузившись в темноту и тишину, Виктория медленно приходила в себя и только после этого слабым голосом звала супруга мириться. Неуверенно ступая в полумраке, будто теряя опору, дрожащими руками заваривала любимый ромашковый чай с мелиссой и мёдом, растолковывая ему глубинные причины своих моральных и физических страданий. Хуже всего, что после подобных сцен она ещё несколько дней могла выглядеть бледной и опустошённой, и каждый раз у него сжималось сердце при взгляде на свою хоть и сварливую, но любимую женщину. Откровенно говоря, такие перепалки не обогащали их семейную жизнь — напротив, они постепенно обнажали ту степень отчуждения, которая возникает у близких людей с течением времени.

Любовь начинается с иллюзий, а зрелость — с их утраты. Порой Мите казалось, что ещё тогда, после рождения дочери, в их отношениях появилась незаметная трещина, которая с каждой ссорой становилась всё шире. В этот провал, как в бездну, осыпались счастливые воспоминания, совместные планы и крепкие чувства. И, чтобы не рухнуть вслед за ними, ему приходилось изо всех сил цепляться за привычный быт и опостылевшую рутину.

Вот и сейчас, чтобы избежать даже малейшей причины для возможного скандала, Митя привёл себя в порядок: нацепил клетчатые домашние штаны, выцветшую футболку с облезлым Карлсоном и надписью: «Мужчина в полном расцвете сил», сунул ноги в тапочки с меховой опушкой и, приглаживая растопыренной пятернёй остатки редющей шевелюры, вытащил из папки документы, создав видимость занятости важным делом.

Как оказалось, вовремя. Поскольку именно в этот момент в прихожей раздался тихий звук поворачивающегося ключа. Протяжно скрипнули петли (надо смазать!). Раздался грохот тяжёлой двери. Хоть он и ожидал этого звука, но всё равно вздрогнул.

*

— Митя, я дома!

Он выскочил в коридор в ту же секунду.

— Здравствуй, Тори, душенька моя! — они оба считали свою семью интеллигентной, поэтому он иногда любил вворачивать в свою речь подобные фразы, а супруга нередко поддерживала его в этом. — Что ж такое нынче с тобою приключилось, отчего ты изволила задержаться почитай на четверть часа?

— В гастрономе сёдни минтай без башки по хорошей скидке, да гречку дешёвую завезли; пока очередищу отстояла, да пока допёрла, — устало ответила она, явно не собираясь сегодня подыгрывать ему. — Давай-ка, бери сумки, а то руки уже отвалились. Чёрт меня дёрнул столько набрать! Мог бы догадаться, встретить с остановки.

— Так я тут, это самое, работаю... — начал оправдываться Митя, но она, скинув туфли, уже исчезла в уборной, избавив его от ненужных объяснений. Схватив действительно тяжёлые пакеты, он отволок их на кухню, достал было замороженную рыбу без головы, но, бросив её на столешницу размораживаться, застыл, тревожно погладив себя по щекам. Робко поскрёб в дверь туалета. — Торь, а Торь!

— Что? — глухо отозвалась она из уборной.

— Тебе это... суп подогреть или голубцы?

В ответ ему поначалу раздался долгий журчащий звук, и только через некоторое время последовал сдавленный ответ:

— Мить, и то, и другое, — снова возникла небольшая пауза. — Голодная сегодня, как чёрт. Опять без обеда. И чай погрей!

— Ага. Щас сделаем! — излишне бравым голосом ответил он, бросившись выполнять наказ. Включив газ в двух конфорках, на одну поставил кастрюлю с остатками борща, на вторую — железную тарелку, плеснув туда подливки и бросив пару разваренных голубцов. Заметив, что старые часы над плитой остановились, Митя привычно поправил в них батарейку, и они снова неохотно пошли, громко отсчитывая секунды.

Тем временем из туалета раздался и тут же утих мощный гул смываемого унитаза, уступив место неровному звучанию крана в потрескавшейся желтоватой раковине. Через несколько минут, когда ужин почти подогрелся, дверь, наконец, отворилась, выпуская на подиум кухни достопочтенную Викторину Романовну в ярко-жёлтых носках, красных трусах и коричневом, вытянутом на локтях свитере. Её юбка с колготками, по всей видимости, остались на сломанной стиральной машине, уже давненько использующейся в качестве места для хранения вещей, которые было лень донести до шкафа, тоже, кстати, нуждающегося в замене.

Бросив случайный взгляд на молочно-белую, немного дрябловатую кожу широких бёдер и до сих пор стройных, чуть полноватых ног супруги, Мите внезапно пришло в голову, что раньше они вызывали в нём дикую, почти безудержную страсть, а сейчас это чувство осталось так далеко в прошлом, что казалось чем-то чужеродным, как будто даже и не связанным с ним. Чья же в этом была вина, — подумалось ему — её или, может быть, его?

Видимо, этот вопрос так явно прочитался в Митиных глазах, что Виктория, не говоря ни слова, тут же плюхнулась на деревянный табурет, в мгновение ока спрятав неидеальные ноги под стол, да ещё прикрыв их застиранным кухонным полотенцем.

Прожив вместе более четверти века, они научились понимать друг друга с полувзгляда и полуслова. Возможно, истинная близость рождается именно так, постепенно, год за годом, в долгих разговорах и столь же долгим совместном молчании, когда нет нужды показывать себя с лучшей стороны и можно просто быть собой. Наверное, именно тогда у двух людей возникает нечто общее, делающее их единым целым, и тела начинают говорить без слов: мимикой, позой и даже движениями передавая всё то, что остаётся невысказанным, раскрывая глубину потаённых чувств и мыслей. В конце концов, брак — это диалог, в котором некоторые реплики лучше оставить при себе.

Вот и сейчас появившееся и тут же исчезнувшее задумчивое выражение его лица рассказало Виктории всё то, о чём он никогда бы не решился сказать вслух. Они оба это поняли, но сделали вид, что ничего не произошло. В сущности, так оно и было, однако Митя тут же принялся исправлять ситуацию.

Для этого у него был запасной план, который срабатывал практически всегда. Виктория любила эстетику. Поэтому нужно было всего лишь красиво сервировать стол, правильно разложить приборы и побыстрее перевести разговор в нужное русло. Налив в тарелку борща, положив её любимую ложку и отрезав большую краюху хлеба, он любопытствовал:

— Торь, как дела на работе? Есть что интересенького у нашей воспитатины?

«Воспитатиной» называла её одна из девочек в младшей группе детского сада, где Виктория Романовна много лет подряд работала педагогом. Она души не чаяла в своих воспитанниках и всегда разговаривала с ними как со взрослыми, обязательно приберегая для дома пару-тройку забавных фраз, которые регулярно выдавали малыши.

Правда, годом ранее её повысили до должности заместителя заведующей, и после того, как она перешла на административную службу, большая часть рабочего дня стала уходить

на бюрократию: составление бесконечных планов, заполнение журналов и прочую бумажную волокиту. Поэтому общение с ребяташками сократилось до минимума.

Однако пару недель назад одновременно заболели сразу двое воспитателей, и Виктории пришлось встать на замену в среднюю группу. Так что в глазах её снова появился счастливый блеск, а коллекция детских перлов начала пополняться.

Услышав вопрос мужа, она устало улыбнулась, задумчиво задержав ложку, вспоминая сегодняшний день.

— Да, было что-то. Дай-ка подумать. А! У нас парнишка шkodный есть, Серёжка Гвоздев. Ушастенький такой и бровки домиком! Сегодня после обеда подходит ко мне, зевает во весь рот и говорит: «Викторимановна, я так спать хочу, что у меня глаза отваливаются». Отвела я его в спальную комнату, только одеялом укрыла, как он вырубился моментально, буквально за секунду. И вот, тихий час закончился — но Серёжка всё сопит, не просыпается. Я его торможу легонько, а он хнычет спрoсoнья: «Зачем ты меня разбужаешь? Мне ещё сон не отоснился». Сел в кроватке, недовольный, губы надул, слёзки на колёсках, я на него смотрю, и так хохотать хочу, что еле сдерживаюсь. Ой, и смех, и грех.

Митя улыбнулся, перекладывая себе и ей в тарелку голубцы. И сразу же вспомнил дочь: как сидел с ней вечерами на полу у кровати и долго гладил волосы, не в силах оторваться от вида сопящего ребёнка, подложившего кулачок под щёку. Злата в детстве была милой девчушкой, со светлыми, немного завивающимися волосами и ямочками на щеках. Зато теперь выросла выше его, перекрасилась в брюнетку, самовольно проколола пупок и ушла жить в общежитие при институте, где училась на кафедре журналистики. Домой заходила нечасто — пару раз в месяц, чтобы поваляться в ванной, поесть домашней еды и постирать вещи. А как у них стиральная машина сломалась, так и того реже.

И вновь жена угадала мысли мужа, сообщив новость:

— Златка, кстати, вчера звонила, сказала, что в субботу зайдёт и даже останется на ночь.

— Ух ты! — довольно воскликнул Митя, хлопнув в ладоши. Вместо скучных выходных вдвоём за просмотром какого-нибудь дурацкого вечернего шоу или сериала его ожидали запоминающиеся выходные с самыми любимыми людьми на свете. Он почувствовал, как внутри всё затрепетало от предвкушения, прямо как в детстве. — Вот это новость, так новость!

— Угу, — Виктория хлебала борщ, отвечая с набитым ртом. — Три недели уже не заходила, засранка. Совсем родителей забыла.

— Некогда, наверное, — неуверенно заступился за любимицу Митя. — У неё и друзья, и подруги, и учёба... Может, жениха себе нашла?

— Нечего ей пока про хахалю думать, — отрезала жена, стукнув ложкой о край тарелки. — Пусть сначала институт закончит, на работу пойдёт, профессию получит. А то знаю я этих кобелей — закрутят девку так, что бросит учёбу, если ещё чего хуже не случится.

— Да что ты такое говоришь? — возмутился он, осторожно переливая воду из трёхлитровой банки с марлей на горлышке в чайник. — Двадцать первый год девчонке, пора бы уж. Ты, кстати, примерно в этом возрасте со мной и познакомилась. Помнишь? Я уже заканчивал юридический, ты училась, по-моему, на третьем курсе художественного. Жаль, что не доучилась — сейчас, наверное, известным искусствоведом была бы...

— Так я про это и говорю, — с досадой перебила его Тори. — Не ушла бы тогда в декрет с концами, глядишь, не в такой заднице, может, и жили бы.

— Да в какой опять заднице? Что ты, я не знаю! — выпучил было глаза Митя, но, вспомнив, что сегодня ругаться с дражайшей половиной нельзя ни в коем случае, только махнул рукой и поставил чайник на конфорку, повернувшись к ней спиной и сделав вид, что полностью поглощён процессом. — Ладно, давай не будем ссориться.

Виктория сразу заметила неестественность в его словах. Перестав жевать, она наклонила голову набок, погрузившись в раздумья о внезапной перемене в поведении мужа. По его спине ничего нельзя было прочесть, а он всё никак не поворачивался. Доев суп, Тори принялась за голубцы, не сводя с супруга пристального взгляда. А он, достав из шкафчика треснувшее блюдо с печеньем и налив чай, чересчур медленно размешивал сахар, оттягивая момент, когда придётся встретиться с ней глазами.

— Мить, — позвала его Виктория.

— М? — промычал он ей в ответ.

— А ты меня завтра встречаешь?

— Я? Не знаю. Думаешь, нужно?

— Мы же с тобой договаривались, что после работы пойдём в магазин за новой стиралкой. Я и Златке уже об этом сказала. Она целую сумку белья принесёт постирать. Ты ведь уже ходил туда, советовался с продавцами, какую лучше выбрать? А? И что там по доставке — завтра привезут или в субботу? Ми-ить? Ты чего молчишь? И повернись, пожалуйста, ко мне, когда я с тобой разговариваю.

В ответ он втянул голову в плечи, а обернувшись, тут же отвёл взгляд в сторону. Виктория положила вилку на тарелку, требовательно постучав ладонью по столу:

— А ну-ка садись ко мне.

— Да я постою.

— На ногах будешь есть, что ли? — в её голосе прозвучала показная забота. — Давай, присаживайся рядышком да покушай нормально.

— Стоя больше влезет.

— Сядь, я сказала! — супруга повысила голос, хлопнув ладонью по столу. Этого хватило, чтобы муж повиновался. Тон её тут же стал приторно-елейным. — А что это ты глазоньки прячешь, а, Митюш?

— Торь, да я... — он виновато поглядел на неё. Понимая, что тянуть дальше бессмысленно, Митя сглотнул, собрался с духом и выпалил:

— В общем, как тебе сказать? Я в этом месяце без премии остался.

— Как это без премии?! — ошарашенно отпрянула она. — Почему?

— Да... понимаешь. Ерунда такая, на самом деле, — он тяжело вздохнул, не зная, чем обернётся его признание. — В общем... Я на работе написал несколько исков... в виде рассказов. И вот...

— Рассказы? — не поняла Виктория, нахмутив брови. — В судебных исках?

— Да! — виновато улыбнулся он, по-прежнему избегая её взгляда. — Ты же понимаешь, я эти долбанные бумажонки всю жизнь пишу, с тех пор, как институт закончил. Но как-то с годами надоело это всё. Обрыдло. И вот недавно подумал, что было бы неплохо оформить их в виде... какого-то рассказа, что ли? Ты не подумай — всё юридически правильно, с предметом, основанием, требованиями и так далее, но только в литературном оформлении. И представляешь, — Митя улыбнулся, вспоминая, — потом ко мне подошёл помощник судьи и сказал, что ему очень понравилось. В смысле, не только помощнику, но и самому судье. Их впечатлило, как я пишу!

— И? — вопросительно наклонила голову Виктория, подперев подбородок ладонью. — Что дальше?

— А что дальше? — снова ссутулился Митя. — Об этом узнал Антон Бориславич и, конечно, наорал. При всех. Сказал, что за такие художества лишит меня премии. И не только за это, а ещё потому, что я медленно работаю, — он безвольно пожал плечами. — У нас же все ребята молодые, я — самый старый. Они хоть и делают тят-ляп, но зато быстро. Антону это нравится. Вот и получается, что они, выходит, более эффективные, чем я. И их хвалят, а

меня — нет. — Митя обиженно поджал губы. — Но ничего, у меня ещё всё впереди, я ещё им покажу, что качество важнее количества!

Срывая досаду, он нервно схватился за вилку и ожесточённо принялся разрезать уже почти остывший голубец, торопливо отправляя в рот кусок за куском.

— Мить, знаешь, что? — Виктория вытянула шею и настойчиво постучала пальцем по столу. — Мы с тобой уже не в первый раз про это говорим. Ты к этому Антону Обосралычу два года назад устроился юрисконсультантом. Что ты мне тогда сказал? Что там тебя ждёт большое будущее! И клялся, что через полгода станешь старшим юристом или даже руководителем отдела. А что в итоге? Чёрт-те что и сбоку бантик! Как был рядовым сотрудником, так им и остался. Ни зарплата не прибавилась, ни чего. Никакого движения, никаких подвижек, а теперь ещё и премии лишили, — она всплеснула руками. — Ни стиралку теперь не купить, ни шкаф в спальню. Ну, пипец!

Митя, заметив, что при обсуждении такого щекотливого вопроса жена не повышает голос, пришёл к выводу, что скандала она не желает, и, может быть, сегодня его удастся избежать. Это показалось ему идеальным шансом попробовать выразить свою точку зрения и даже постараться переубедить Викторию. Несмотря на внутреннюю дрожь, он осторожно приступил к контраргументам.

— Откровенно говоря, Торь, я особо и не хочу никакого повышения. Это же на процессы придётся ходить, в апелляции, в кассации, в переговорах участвовать, а я этого терпеть ненавижу. Чуть что не так скажешь — шкуру спустят и фамилию не спросят. А уже если дело проиграешь — всё, пиши пропало. Можно сразу увольняться. Что я, дурак, такое тёплое местечко терять? Ну уж нет. Я пока тихо-скромно посижу, иски посоставляю, да разные там досудебки. Однажды он всё равно заметит, что я к делу подхожу основательно, и что по моим исковым выше процент выигрышных дел. Вот тогда и наступит мой день, вот увидишь!

Виктория Романовна слушала супруга, не перебивая. Но по лицу её, темневшему с каждым его словом, становилось понятно, что Митины аргументы она не одобряет и соглашаться с ним не имеет никакого желания. Более того, в её голове крутились десятки аргументов и сотни едких фраз, коими она могла встряхнуть своего нерешительного мужа так, что он надолго бы запомнил её слова. Но, может быть, по причине вкусного и сытного ужина, а может, по каким-то иным ведомым только ей мотивам, она сдержала себя в руках, не желая портить вечер. Поэтому заговорила с ним не сразу и очень спокойно:

— Я всё это понимаю. Но и ты меня пойми! На нашу с тобой зарплату, да ещё и без премии мы долго не протянем. Так что я тебя выслушала, а теперь ты меня послушай. — Виктория взяла кружку с чаем и сделала несколько больших глотков. Воспользовавшись паузой, Митя снова отрезал кусочек голубца.

— Может, я бы тоже лучше простым воспитателем работала — ты же знаешь, что с детьми мне больше нравится возиться. Но мне пришлось пойти на повышение, стать заместителем заведующей. У меня после этого и зрение упало, потому что бумажки заполняю целыми днями, и ответственность прибавилась, и труд неблагодарный, и планы, и контроль, и тэ дэ, и тэ пэ — начала она загибать пальцы. — Да ещё и педагогический стаж не идёт. Но ничего! Уже год держусь, хоть и хочется сорваться почти каждый день. Только вот ты говоришь, что у тебя всё впереди, хотя тебе в этом году сорок семь исполнилось, между прочим, а я прекрасно понимаю, что моё время прошло, и дёргаться мне нынче некуда. Поэтому я через себя переступила и пошла в замы. Пройдёт ещё пять-десять лет, и я, глядишь, заведующей стану. Понимаешь, в чём разница? Ты витаешь в облаках, а я реально смотрю на мир.

Виктория снова сделала несколько больших глотков чая.

— Поэтому говорю тебе в сотый раз: давай и ты начинай уже что-то предпринимать. Добивайся карьерного роста. Что ты, не справишься с тем, чтобы тоже ходить в суды? Чего в этом сложного, я понять не могу?

— Да что ты заладила одно и то же! — неосознанно повысил голос Митя, нервно сжимая кулаки. — Это у них, у молодых, язык подвешен. Они на процессе хоть кого заболтают. Наденут костюм, часы, выфрантятся, как фанфароны, — с кожаным портфелем, в красивом галстуке. А я?! Сама-то подумай! Там нужно быстро соображать, на ходу принимать решения — это совсем не про меня, ты же понимаешь! Хотя, на самом деле, знаний у них — с гулькин нос: ни процессуальных норм толком не знают, ни статью правильно назвать не могут, а всё туда же! Юристы называются! — он состроил презрительную гримасу. — А наш Антон Бориславич, говорят, к тому же нашёл какую-то новую пессию и бегаёт за ней, как собачонка...

— Да плевать я хотела на твоих гантонов и их шалав! — начала заводиться Виктория, отчего на её щеке и щеках появились небольшие пунцовые пятна. — Мне нужно, чтобы ты рос по службе! Чтобы больше зарабатывал! И чтобы премии не лишали по всяким глупостям!

— А это не глупости! Это не глупости! — выпучил глаза Митя, но, видя, как его супруга постепенно начинает входить в то самое состояние, после которого её уже нельзя будет остановить, мгновенно начал сдвигаться, втягивая голову в плечи и словно уменьшаясь в размерах. Заметив его преображение, Виктория Романовна тоже сбавила пыл. И, не зная, что ещё ему можно сказать, взяла из тарелки печенье, молча откусив половину.

Понимая, что разговор закончен, он со вздохом поднялся, собрал всю посуду, надел полинявший фартук и включил воду в раковине.

*

Отмывая губкой куски прилипшей пищи, Митя терзал себя вопросом: а стоит ли и дальше приносить в жертву оставшиеся годы ради материальных благ, да ещё таких незначительных? Разве погоня за деньгами не превратилась в бесконечную и бессмысленную гонку по замкнутому кругу, где финиш вечно ускользает за поворотом?

Да, порой он мог позволить себе какую-нибудь дорогостоящую покупку — например, стиральную машину. Но радость от обладания быстро угасала, оставляя после себя лишь пустоту. Ещё больше времени — в топку, ещё больше барахла — в кладовку...

Тогда кому нужен этот карьерный рост, о котором без устали талдычит Виктория? А как же ощущение полноты бытия? Может, стоит плюнуть и уволиться, махнув на всё рукой?

Но мысли о неизвестности пугали ещё сильнее — они буквально парализовали волю и желание что-либо менять. Митя отчётливо понимал: с каждым днём он всё крепче привязывается к ограничивающей его зоне комфорта — пусть она сковывала его, лишала мечты, зато дарила хрупкую, но такую необходимую уверенность. И в этом заключалась горькая ирония судьбы.

Так, может, и правда стоит идти по проторённой дороге? Продолжать добиваться чего-то на нелюбимой работе, как настойчиво советует Виктория?

Митя быстро обернулся и мельком взглянул на неё. Супруга задумчиво отламывала тонкими пальцами кусочки печенья, устремив пустой взгляд куда-то вдаль. В наступившей тишине каждый из них думал о своём, но оба — об одном и том же.

Год за годом рутина выстраивала вокруг немолодой воспитательницы монолитную стену — без просветов, позволяющих хоть изредка видеть окружающий мир, и даже без дверей, через которые можно вырваться на свободу. Хуже всего, что преграда постепенно становилась всё выше и толще, неумолимо сужая и без того тесное пространство.

Просыпаясь по будильнику в пять часов утра, она с трудом заставляла себя отрывать голову от подушки, торопливо завтракала в полном одиночестве перед тем, как отправиться навстречу колючему ветру, чтобы успеть на дребезжащий автобус с хрипящей коробкой передач и надрывно воющим двигателем. Ежедневно равнодушный транспорт вёз её туда, где она терпеливо дожидалась окончания рабочего дня лишь для того, чтобы вновь вернуться домой

опустошённой и лишённой желания заниматься чем бы то ни было, кроме приготовления ужина и скорого погружения в спасительную темноту сна.

Перед Викторией стоял выбор: либо восстать против однообразия, разрушая собственноручно возведённую крепость, либо смириться с неизбежностью, принять реальность и попытаться построить на её основе хоть что-то, напоминающее устойчивое сооружение — то, что придаст жизни хотя бы видимость стабильности. Она выбрала второе и, засучив рукава, принялась возводить фасад успешной карьеры.

Виктория пожертвовала педагогическим призванием ради чего-то более материального. Заполняя рабочий календарь планами, отчётами и заданиями, она постепенно отдалялась от сути профессии, успокаивая себя мыслью, что время проб и ошибок осталось в прошлом — теперь это не про неё. Важнее стали внутреннее спокойствие, уверенность в завтрашнем дне и ощущение востребованности — пусть даже ценой способности надеяться и радоваться.

Тори держалась за привычное, как за опору, а Митя всё ещё мечтал вырваться туда, где оставалось место для мечты. «Разве она не видит, что эта стабильность высасывает жизнь? — думал он. — Или видит, но боится признаться себе в этом?»

Не находя ответов на вновь и вновь возникающие вопросы, Митя с таким остервенением взялся за кастрюлю, что обшарпанная посуда жалобно застонала.

— Ми-и-ить? — со смехом прервала его размышления супруга. — Ты о чём таком серьёзном задумался, что аж напрягся? Смотри, не пукни от натуги.

— Да я так, — хмыкнул он, неохотно отпуская навязчивые мысли, что цеплялись за сознание, возвращаясь снова и снова, будто требуя выхода. — Думаю, как выходить из ситуации. Может, на выходных взять работу на дом, а?

— Нет! — резко выпрямилась Виктория, сдвинув брови. Её глаза сверкнули гневом. — Я тебе уже миллион раз говорила и ещё раз повторю — никакой халтуры в выходные дни я дома не потерплю! Мы с тобой и так видимся пару часов в день. Ещё не хватало, чтобы ты субботу с воскресеньем за бумажками своими провёл! В конце концов, к нам дочь придёт, так что давай-ка снова побудем вместе. Чёрт с ней, с этой стиралкой, купим как-нибудь потом. Семья важнее, да ведь?

— Тори, да пойми... — нерешительно обернулся он к супруге, но, увидев грозное выражение её лица, внезапно передумал возражать. — Для меня — да! — совершенно серьёзно подтвердил Митя, посмотрев ей прямо в глаза. — Для меня вообще, кроме вас со Златкой, нет ничего важнее. И никого.

— Вот видишь, — с нежностью ответила она, разгладив морщины на лбу. — Да садись уже ко мне, чего ты там застрял? Давненько мы вместе так не сидели, не болтали. Мне ведь, кроме тебя, и поговорить-то по-человечески не с кем.

Митя повиновался, тут же выключив воду и вытирая руки о фартук.

— Как не с кем? А с Маринкой?

— С Маринкой, — с досадой фыркнула Виктория. — Вчера встретила эту вертихвостку у остановки — идёт, понимаешь, под ручку с очередным ухажёром. Поздоровалась с ней, а она только кивнула и дальше пошла, как будто мы вовсе не подружки, а чёрт пойми кто. А ведь мы не виделись уже месяца два, не меньше!

— Всё с ней понятно! — отмахнулся Митя. — Как мужик появляется, так она никого знать не знает, никому не звонит и ни до кого ей дела нет. Ой, бабье!

— А как разбежится, так потом снова ко мне прискачет, — подтвердила супруга. — Опять будет до ночи выть и слёзы лить. Что я, её не знаю?

— Как пить дать.

— Я вот этого понять не могу. Ты или дружи с человеком, или нет, или одно из двух. А мне какое дело до их отношений, так ведь? Ну нашла ты мужика — так я только рада. Какого чёрта делать вид, что ты меня не замечаешь?

— Ой, — поморщился он. — Не обращай на неё внимания. Опять через месяц разбежится и начнёт свою старую песню, что её бросили, а она по всем соскучилась. Что она тебя любит, и меня любит, и без нас ей ни дня не прожить. Помнишь, как тогда? Я даю стопроцентную гарантию, что...

— Мить, да чёрт с ней, с Маринкой! Нашёл, кого вспомнить! Что нам, поговорить, больше не о чем? — ни с того ни с сего гаркнула Виктория, навалившись локтями на стол. — Я, может, по тебе соскучилась. Вот что нужно обсуждать! А то Маринка, Маринка! Заладил, одно и то же. Поговорить ему больше не о чем — только о Маринке своей!

Митя уязвлённо промолчал, теребя край потрёпанной пластиковой скатерти.

— Наша семья — вот что важно в первую очередь! — назидательно произнесла Виктория. — А то вроде вместе живём, но такое впечатление, что всё у нас как-то параллельно. Совсем друг с другом не разговариваем. Даже не обнимаемся! Спрятались каждый в свою скорлупу и только иногда вылезаем наружу, чтобы обсудить какие-то мелочи, а потом снова втискиваемся обратно.

Он беспомощно пожал плечами, подыскивая слова. В глубине души Митя и сам порой испытывал нечто похожее, однако вслух произнёс совсем иное:

— Так, а что говорить? У тебя ничего не происходит, у меня каждый день одно и то же. Нет тем для общения. К тому же...

— Значит, надо их находить! — оборвала его жена, наклоняясь ещё ближе. Голос её звучал настойчиво и требовательно. — Говорю же, мы существуем, как эти уже... как соседи. Иногда я чувствую себя лишним элементом в твоей картине жизни. Честное слово, порой хочется окно открыть и завывать во весь голос! Ну правда, Мить! Как Златка уехала, у меня всё больше стало складываться впечатление, что она — это всё, что нас связывало. А без неё мы как будто сами по себе. Разве ты сам не видишь?

— Нет, — отводя глаза в сторону, несмело буркнул он. — Я так не думаю.

— А я — думаю! — с нажимом ответила она. — Я — думаю!

— Это ты, а это я. Мы с тобой всё же разные люди.

— Ах, разные? — воскликнула Виктория, и взор её тут же погас. Она отрешённо отвернулась в сторону. — Может быть, ты и прав — в этом всё и дело, что разные.

Митя понял, что ляпнул что-то неуместное, однако никак не мог уловить, в чём заключалась оплошность. Знакомое ощущение сдавило грудь — такое же он испытал однажды, заблудившись в густом лесу. Поначалу это не казалось опасным, наоборот, появился лёгкий азарт приключений. Но постепенно, всё глубже погружаясь в чащу, волна за волной накатывала неприятная тревога — именно такая сейчас и охватила его.

— А если в выходные на дачу съездить, пока тепло? Печку натопим, под два одеяла залезем, обнимемся и, глядишь, согреемся, — с внезапной надеждой предложила она.

— Ой, нет, не люблю дачу осенью. Пусто всё и голо там, — поморщился он.

— Ну так давай тогда вообще продадим её к чертям собачьим? — опять вспыхнула супруга гневом. — На кой чёрт она нам нужна? Только налоги за неё плати.

Митя насупился. Небольшой садовый участок с четырьмя сотками земли достался ему в наследство от матери. Несмотря на довольно запущенное состояние, он искренне любил свою дачу и считал её бесценной — как воспоминание о маме и своём счастливом детстве. Поэтому он едва сдержал колкий ответ: «Ты купи её сначала, а потом продавай», но проглотил слова, спрятав обиду в глубине души.

И снова Виктория почувствовала его состояние, но истолковала его по-своему. Стараясь погасить зарождающееся недопонимание, она предложила ему ласковым голосом, мягко коснувшись его ладони:

— Мить, так может, мы хотя бы сегодня вместе ляжем? А то ты как ушёл в Златкину комнату, так там и сгинул.

— Так это я специально, чтобы тебя не тревожить. Мы же договорились! — отстранился он от неё, уходя в глухую оборону. — Ты ведь сама велела не мешать тебе.

— Да, но я не говорила, что надо туда ещё и одеяло с подушкой перенести и всё своё время там проводить! — всплеснула она руками. — Я с весны одна сплю, между прочим! А мне обнять тебя хочется. Прижаться. Поцеловаться.

— Да что мы, подростки какие-то? — возмутился Митя. — Обнимашки, целовашки — что за детский сад?

— А я, знаешь ли, не об этом. Я, может, имею в виду более тесные отношения, — Виктория неосознанно сдёрнула с коленей полотенце, оголив бёдра. — Между прочим, супружеский долг никто не отменял, если что! Мы с тобой ещё не такие древние, чтобы по полгода этим не заниматься.

— И откуда ты полгода взяла? — выпучил глаза Митя. — Вот недавно же было. Помнишь, в ванной?

— Месяц назад, Митя! И то на пять минут!

— Отлично! Давай вести учёт, где, когда и сколько длилось! Мне вообще-то не двадцать лет!

— Ну и не семьдесят! Тебе ещё пятидесяти нет!

— И что теперь? Нужно, как кролики, это самое?

— Я и не говорю, что надо каждый день. Мне и самой не до этого. Но хотя бы лечь в постель со мной ты можешь? — уже не сдерживая своего раздражения, воскликнула Виктория.

— Торь, может, потом об этом поговорим, а? — Митя судорожно сжал кулаки под столом. — Антон Бориславич попросил подготовиться к большому судебному процессу, мне надо все документы проверить и перепроверить. Так что сегодня — никак. Сейчас сяду — и до поздней ночи. Я этим, кстати, и занимался, когда ты пришла. Вон, свет до сих пор горит и документы лежат. И хотел тебе сказать...

— Послушай лучше ты меня! — в сердцах воскликнула Виктория, и Митя ощутил, как внутри него всё мгновенно сжалось от предчувствия надвигающегося шторма. — Мне всё это чертовски надоело! Понял?!

В кухне повисла тишина, нарушаемая только тиканьем старых часов и далёким гулом за окном. Мерно капала вода из крана, отсчитывая мгновения до грядущего перелома.

— Тори, ну пойми, — чуть не взмолился он, не дожидаясь, пока она распалится настолько, что остановить её будет совершенно невозможно. — Не я же принимаю решения, в конце концов.

— Хватит! — она хлопнула ладонью по столу так, что ложка подпрыгнула и звякнула о кружку. — Задолбали! И ты! И этот твой Антон набитый!

— Тори, послушай...

— Нет!

Виктория яростно скомкала полотенце, с силой отшвырнула в сторону и, не глядя на мужа, вскочила с места, бросившись к двери неожиданно нетвёрдой походкой — словно отсидела ноги. На пороге она резко замерла, покачнувшись и вцепившись в косяк с такой силой, что пальцы побелели от напряжения.

Митя открыл было рот, чтобы остановить её, но слова застряли в горле. Он замер, скованный беспомощностью.

Не уловив ни единого знака, ни намёка на примирение, Тори с руганью выскочила из кухни, хлопнув дверью так, что посуда зазвенела.

Ощущение пустоты накрыло Митю с головой: руки безвольно опустились, плечи бесильно ссутулились, а спина изогнулась под незримой тяжестью момента.

— Торь... — едва слышно прошептал он ей вслед.

Ответа не было. Только тиканье часов, капающая вода и запах борща — всё то, что ещё минуту назад было их реальной жизнью, а теперь превратилось в далёкое прошлое.

*

— Ослин! Зайдите ко мне шас же! — Антон Бориславович быстрым шагом прошёл через открытое пространство офиса, плотно заполненное столами, стоящими вплоты друг к другу. Директор считал, что его подчинённые должны сидеть вместе, поскольку это делает коллектив более сплочённым. Впрочем, он явно не считал себя частью общей массы сотрудников — подтверждением тому служил его отдельный кабинет. Просторное помещение с большим дубовым столом и дорогим кожаным креслом дополняли мягкий диван, два стула для посетителей и стены, украшенные дипломами и сертификатами в рамочках, подчёркивающими его особый статус.

Директор сознательно коверкал его фамилию, когда был недоволен возрастным юрис-консультантом, работающим гораздо медленнее остальных сотрудников. Безобидный подчинённый безропотно терпел такую фамильярность, поскольку боялся гнева довольно вспыльчивого начальника. Вот и сейчас сердце Мити забилося чаще, едва он уловил раздражённые нотки в его голосе.

Он в испуге оглянулся на Устиныча — единственного товарища, но тот лишь удивлённо почесал затылок: мол, не знаю, в чём дело. Хотя причина была известна всему коллективу: Антон ввязался в новые любовные отношения и, судя по всему, они давались ему нелегко. Короче говоря, проблема крылась в одних людях, а расплачиваться приходилось другим.

Втянув голову в плечи, под жалобные взгляды одних своих коллег и ехидные фырка-нье других, Митя побрёл в кабинет, ожидая дальнейшую экзекуцию. Предчувствие грядущей выволочки его не подвело — Антон был преисполнен гнева.

— Садитесь, Осилин. Скажите, — он хлопнул себя по коленям, не в силах совладать с эмоциями. — Вам разве мало было того, что я уже снял премию за этот месяц? Вы ещё хотите, что ли? Я вот этого понять не могу?

— Н-нет, — пробормотал Митя, опустив глаза. — А что случилось?

— Что случилось? — притворно удивился директор. — Это вы у меня спрашиваете? Это я с вас сейчас спрашивать буду? Вы чего наворотили, вообще?

— Я? Ничего, — испуганно ответил подчинённый. — Я сделал всё, что вы просили...

— Я не просил, Осилин! — сдвинул брови Антон Бориславович. — Я вам дал задание исправить свою ошибку! Но вместо этого вы совершили ещё одну, гораздо более... — он поиграл пальцами, пытаясь выловить нужное выражение из воздуха. — Более идиотическую. В прошлый раз, значит, вы состряпали иски в виде каких-то дебильных писулук, так что сейчас все судьи в городе глумятся над нами. А теперь вы вообще решили нашу компанию лицом в грязь воткнуть, да? Так что ли?

— Но что я сделал-то? — жалким голосом выдавил Митя.

— Вы? Вы ополоумели, Осилин! Вы перепутали хрен с трамвайной ручкой, я бы так выразился! — откинулся на спинку директор и постучал красивой перламутровой ручкой по столешнице. — Я вам дал прекрасного клиента, компанию... м-м-м... — он пощёлкал пальцами, вспоминая.

— «Бюро взыскания».

— Точно! Они. И что вы натворили?

— Я подготовил иски. Всё просчитал, перепроверил и им передал на согласование, — заторопился Митя.

— Да неужто? Ну и какого хрена они мне сегодня утром названивали и талдычили, что ваши расчёты кривые? Типа, суммы исков вдвое-втрое меньше положенного?!

— Нет-нет, — поднял руки немолодой юрисконсульт, пытаясь остановить шквал обвинений. — Я всё правильно посчитал. Антон Бориславович, давайте, я всё вам объясню, и вы поймёте?

Взбешённый директор глубоко вздохнул, как будто принимая непростое решение, и милостиво согласился, молча кивнув.

— Смотрите, — тут же встрепенулся Митя. — Согласно гражданскому законодательству, при оплате кредита, заёмщик в первую очередь погашает проценты, потом основное тело долга, а потом уже неустойку и комиссии. Верно?

Антон Бориславович то ли кивнул, то ли пожал плечами.

— А знаете, что делали банки? Сначала они списывали штрафы и комиссии, и лишь в последнюю очередь — сам займ и проценты по нему. Эта схема срабатывала при малейшем нарушении договора, которое банк сам же и поощрял. Фактически ежемесячный платёж никогда не погашался полностью, то есть заёмщик автоматически считался нарушителем условий договора, что вело к новому начислению неустойки. Порой её размер доходил до половины процента в день! И так — месяц за месяцем, год за годом. У некоторых людей эта схема работала по шесть — семь лет и в итоге они оказывались должны даже больше, чем брали. Представляете? Когда тайное стало явным, то заёмщики, естественно, отказались платить. Тогда что сделал банк? Он перекинул долги в свою же аффилированную структуру — «Бюро взыскания». Те выждали почти год, искусственно раздувая долг, и лишь затем подали в суд.

— И?

— И... Я всё пересчитал именно так, как следует из буквы закона. На основании этого сделал перерасчёт и вывел общую сумму. Она, конечно, меньше, чем хотели в «Бюро», но зато совершенно точно законная! До копейки. Я всё проверил и перепроверил, можете не сомневаться.

Митя засиял, надеясь, что директор наконец-то оценит его прилежность, педантичность и исключительное знание норм права.

Антон Бориславович резко встал, прошёлся по кабинету несколько раз и, наконец, повернулся к подчинённому с перекошенным лицом.

— Скажите, Осилин, вы осёл? Или, может быть, идиот?! Не стесняйтесь, говорите смело! Я никому об этом не расскажу, обещаю. Ну же, расскажите мне по секрету.

У Мити словно земля ушла из-под ног, сознание поплыло, кабинет странно завибрировал в глазах, а голос Антона начал доноситься как будто издалека.

— Что? — пискнул он, ощущая, что уши начинают гореть.

— Чтокни себе в дудку! — в сердцах выпалил начальник непонятную фразу и тут же перешёл на «ты», закипая с каждым словом. — Ты вообще, что ли, не втыкаешь, как ты нас подставил?! Всю нашу фирму! Эти парни из «Бюро» готовы были отдать нам юридический аутсорс и ежемесячно платить хорошие деньги. Ты меня такого количества бабок лишил! Я думал, что отдам тебе их дела, и ты всё сделаешь, как надо. Но вместо этого, Осилин, ты умудрился всех нас вляпать в дерьмо, понимаешь? В дерьмище!

Митя затрепетал — Антон Бориславович никогда раньше так с ним не разговаривал. Перепуганный сотрудник мгновенно покрылся испариной, прекрасно понимая, что после такого разговора его уволят... нет, не просто уволят, а вышвырнут с волчьим билетом. В голове пронеслась кошмарная картина, как его буквально выпинывают из двери и выбрасывают следом личные вещи. Это такой позор, такой позор!

— ...хрена ль ты молчишь, когда я тебя спрашиваю? — вывел его из оцепенения громкий голос разбушевавшегося начальника.

— А? — сжался Митя, понимая, что умудрился пропустить какой-то важный вопрос.

— Хер на! — в сердцах бросил Антон, падая в кресло. Не глядя на провинившегося подчинённого, он выпалил. — Слушайте меня, Осилин, очень старательно! Вы сейчас доделыва-

ете текущую работу, а потом ноги в руки и бегом бежите в эту контору, в «Бюро как-его-там», забираете у них все свои бумажонки и переделываете их так, чтобы комар носу не подточил, ровно так, как им нужно. Понятно?

— Но ведь это незаконно! — осмелился пискнуть Митя.

— Значит, сделайте так, чтобы было законно! — прошипел директор, гневно вперившись в него взглядом. — Найдите судебную практику, которая бы это подтвердила, и всё! Юрист вы, или кто? Мне что, учить вас нужно? Чтобы к понедельнику всё было исправлено, понятно?

— Как к понедельнику? — обомлел Митя.

— Каком кверху! — небрежно бросил Антон Бориславович. — Впереди все выходные. Вот и исправите свою ошибку.

— Но... Но я не могу, — промямлил уязвлённый сотрудник. — У меня дочь приезжает...

— И что теперь? Обосраться и не жить? — почувствовав слабость подчинённого и понимая свою правоту, Антон позволил себе грубость, которую прежде избегал. — Осилин, вы, наверное, не совсем понимаете, что дело пахнет не просто снятием премии, а увольнением. Причём, с такой постановкой, что следующую работу вы будете искать очень долго. И я сомневаюсь, что найдёте. Теперь вам всё понятно? Я спрашиваю: всё понял?

Челюсть Мити предательски задрожала — от бессильной обиды он не смог выдавить ни звука. Внутри klokотала ярость, хотелось выкрикнуть что-нибудь резкое, бросить в лицо начальнику всё, что накопилось за годы унижений... Но он лишь смиренно кивнул. Тогда директор небрежно махнул рукой, давая понять, что разговор окончен, — и юрисконсульт побрёл к двери, с трудом переставляя ноги.

*

Пятничный вечер светился приглушёнными окнами кофейен и ярким неоновым баром, словно насмехаясь над усталостью прохожих, подмигивая им разноцветными огнями светофоров. Осень наполняла воздух тяжёлым, удушливым запахом прелой листвы. Улицы звенели резкими сигналами автомобильных клаксонов, перебивая негромкий гул разговоров измученных рутиной людей, спешащих отметить конец очередной трудовой недели, — и всё это сливалось в невыносимую какофонию, режущую слух и усиливающую ощущение бессмысленности бытия.

Одни торопились домой, в душную атмосферу убогих квартир, где их ждали пустые разговоры и безвкусный ужин. Другие, наоборот, нескончаемым потоком вливались в многочисленные питейные заведения, стремясь поскорее залить алкоголем напряжение и утолить духовный голод праздным общением, мечтая забыть о серых буднях, чтобы вырваться из цепких объятий повседневности.

Среди всей этой суеты выделялся одинокий человек, бесцельно бредущий туда, куда глядели усталые, потухшие глаза. Это был юрисконсульт Осилин, устало переключивший из руки в руку тяжёлый пластиковый пакет, вернее, два пакета, вложенных один в другой, чтобы выдержать вес, казалось бы, лёгких документов. Однако, плотно прижатые друг к другу, они создавали невыносимую тяжесть, помноженную на остроту вытянувшихся ручек, впившихся в мягкие ладони сгорбленного под гнётом собственных дум Мити.

Чтобы сбежать от реальности, он весь вечер занимал свой ум тем, что пытался подобрать одно ёмкое слово, как можно более точно описывающее окружающую его действительность. В голову неожиданно пришло слово «удручённость» и поселилось там, постоянно всплывая в сознании, как красная кнопка аварийного выхода, которого не существовало.

Это слово разрасталось, складываясь в минорные фразы, расширяясь в виде тошнотворно-приторной жалости к самому себе, своей никчёмной жизни, к очередному бездарно прожитому году, заканчивающемуся привычной слякотью, холодным ветром и сумрачным небом. И вот уже настоящая удручённость, тяжёлая и вязкая, волна за волной прокатывалась

по его телу — начинаясь с макушки и заканчиваясь в пятках, она, заземляясь, уходила в грязную воду под давно промокшими насквозь ногами.

В такт его шагам сами собой рождались мрачные строчки, сливаясь в такую же меланхоличную «стихопрозу»: «Когда чувствуешь лишь пустоту, и ненужность твоя очевидна — жизнь теряет свою красоту. И своя, и чужая. Обидно. Когда зришь остывающий мир, изломавший горящие чувства, средь чумы вспоминается пир, где забыты творцы и искусство. Где чужим остаёшься всегда, хоть порой и казался счастливым, где накроет тебя пустота своей шалью унынья тоскливой. Когда в буднях хоронишь себя, когда дни пролетают за днями, хочешь взвыть, и рыча, и хрипя, разорвать своё сердце ногтями. Как тут жить, для кого и зачем, по ночам просыпаясь в поту, если стих полон жалобных тем, если чувствуешь лишь пустоту».

Свернув во дворы и медленно шлёпая по лужам, он брёл неведомо куда. Вокруг кипела пятничная жизнь: уставшие хозяйки с котомками бежали из магазинов, во дворах гоготали мужики с сигаретами и пивом, безнадзорные дети собирали из опавших листьев огромные кучи и прыгали в них, раскачавшись на скрипящих качелях.

Митя бы тоже сейчас рухнул в этот терпкий запах прелых листьев, закрыл глаза и растворился в беззаботном детстве — в том времени, когда не нужно было ничего, кроме того, чтобы вымыть руки перед едой, повесить мокрые штаны на батарею и сесть за стол вместе с любимой мамочкой.

В его воспоминаниях, кстати, она была в том же возрасте, что и он сейчас. И вот её давно уже нет, а он, взрослый, но всё ещё ребёнок в душе, вынужден тащить тяжёлые пакеты с договорами, исками и расчётами, которые ненавидел всей душой.

Митю буквально корёжило от того, что написанные им исковые требования будут нечестными, не соответствующими букве и смыслу закона.

А ещё хуже, что суды обязательно их удовлетворят, не вчитываясь и не разбираясь.

А ещё хуже, что ответчики их не обжалуют, потому что не знают своих прав.

А ещё хуже, что раскошелиться обяжут и так обездоленных должников.

А ещё хуже, что писать иски придётся ему, юрисконсульту Осилину.

А ещё хуже, что в графе «исполнитель» будет стоять его подпись.

А ещё хуже, что составлять исковые придётся все выходные.

А ещё хуже, что нужно будет пересчитывать всё заново.

А ещё хуже, что супруга запретила ему это делать.

А ещё хуже, что она сейчас ждёт его дома.

А больше ничего хуже быть не могло.

Но Митя не знал, что ошибался.

*

Виктория пребывала не в лучшем расположении духа. Митя понял это, едва переступив порог квартиры. Конечно, трёхчасовое опоздание домой вполне могло стать веской причиной для семейной ссоры, но не настолько, чтобы дело дошло до битья посуды. Однако разбитая вдребезги стеклянная кружка, щедро усыпавшая прихожую осколками, красноречиво свидетельствовала о том, что сегодняшний вечер грозил обернуться кошмаром. А тяжёлый пакет документов только подчёркивал и лишний раз доказывал сей непреложный факт.

С кухни доносился тревожный, монотонный металлический лязг. Митя узнал его, но никак не мог вспомнить, что именно он означает. Сняв потрескавшиеся туфли со стёртыми запяточниками, он с трудом и кряхтением стянул мокрые носки, засунув ноги в истоптанные тапочки. Медленно повесил пальто, стряхнул с него влагу, нерешительно потоптался на месте, а затем, осторожно ступая по осколкам битого стекла, прошёл на кухню. И, несмотря на то, что внутренне он был готов ко всему, увиденное застало его врасплох.

Растрёпанная Виктория в одном старом нижнем белье, с отрешённым видом месила что-то в небольшой кастрюльке. На кухне царил непривычный бедлам — всё видимое пространство покрывала мука: целая гора её возвышалась на столе, тонкий слой засыпал не только пол вокруг, но и её оголённые плечи, руки, живот и даже лицо. Словно не замечая этого, она с ожесточением орудовала железной ложкой так, что обе полные груди её едва удерживались, чтобы не выпрыгнуть из серого поношенного лифчика. Вокруг царил хаос, которого Митя никогда прежде не видел, впрочем, как и свою супругу в таком состоянии. Тревога и трепет охватили его.

— Торь... Ты что? Ты что делаешь?

Виктория подняла на него настолько безумный взгляд, что он отшатнулся.

— А ты не видишь? Суп из семи этих... ингредиентов. Четыре покрошены, остальные так брошены. Тут и хвост, и чешуя — а не выходит ничего!

Виктория громко фыркнула с безумным видом, продолжая вещать истеричным тоном, буравя его острым, но одновременно отрешённым взглядом. При этом она ни на секунду не прекращала взбивать какую-то жидкую массу — это монотонное, почти механическое движение выглядело гротескным на фоне бушующих эмоций.

— Главное, зашла после работы в магазин. Купила картошку. Думаю, Златка же приедет. Пирогов ей настряпаю домашних, как она любит. Начала чистить — вся гнилая. Сверху ещё пойдёт, а середина — гниль одна. Тогда капусту достала из холодильника. А она уже потемнела. Перемерзла. Всё в ведро. И картошку, и капусту. А я уж и тесто замесила, дрожжи добавила. Ждала-ждала, и ничего. Не всходит и всё. Смотрю, у них срок годности закончился. И запах от теста такой кислый стал, мыльный. Всё испортила. Тоже выкинула. Решила бисквит сделать. С вареньем. Сахар есть, яйца есть. Только начала белки взбивать — Златка позвонила. Я ей сказала, что мы стиралку не купили. Она говорит, так я тогда и не приеду. Зачем, мол? И всё. Трубку положила. Я психанула, ну и запулила кружкой в стену. Да снова за тесто. А я вот сейчас взбиваю его, вбиваю, а сама думаю — и, действительно, зачем мне это? Пирог. Картошка. Бисквит. Жизнь эта дурацкая. На какой чёрт мне это всё надо, Мить? Для чего мне? Для кого? Может, а пошло оно всё к чёртовой матери, а?

Виктория всхлипнула, обмякла и выпустила из рук кастрюлю — та с грохотом упала сначала на стол, а потом на пол, перевернувшись вверх дном, тут же образовав неровную лужу, мгновенно растёкшуюся по линолеуму. Не обращая на неё никакого внимания и не отрывая взгляда от обескураженного супруга, взирающего на происходящее с неподдельным ужасом, она подняла пальцы к вискам:

— И башка сегодня весь день — будто сверлит кто-то. Вж-ж-ж, вж-ж-ж, вж-ж-ж — из одной косицы в другую. И от всего воняет. Невозможная вонь кругом! И от капусты, и от картошки, и от теста. Варенье — и то воняет. И от меня, от меня тоже, — Виктория принюхалась к подмышке, брезгливо сморщив лицо. — Фу! Может, это даже хорошо, что Златка не приехала, а то сказала бы, что мать засранка. Стирать бросила. Прибираться бросила. Везде бардак. Одна она молодец! Уехала, на всех наплевала. Не купили стиралку? Ну и чёрт с вами! На кой тогда приезжать? Пусть мать после работы на неё батрачит! Пусть готовит пироги, а потом в мусорку выбрасывает. Пускай! Не моё — не жалко! — и вдруг, брызжа слюной, она рывкнула и ударила пяткой в пол так громко, что Митя вздрогнул. — Неблагодарная!!!

Он не знал, что сказать и как остановить супругу, поскольку, несмотря на все предыдущие скандалы, ещё ни разу не видел её в подобном состоянии: лицо, шея и даже грудь налились пунцовым цветом, мышцы шеи напряглись так, что натянулись жилы. Словно вырвавшись из короткого оцепенения, задрожав всем телом и щёлкнув зубами, Виктория кинулась к серванту, распахнула дверь, вытащила огромную фарфоровую салатницу и с размаху хлопыстнула ей по столу так, что осколки разлетелись по всей кухне, а некоторые впились в запястья хозяйки. Но, казалось, она даже не обратила на это внимания; тяжело дыша, обернулась к мужу с каким-то

странным звуком «й-и-и», уголки губ поползли вниз, а брови, наоборот, вверх, придав лицу удивлённо-жалостливый вид.

Митя замер: движения жены вдруг стали неровными, прерывистыми — она едва не оступилась, будто не чувствовала опоры под ногами. Руки мелко дрожали, пальцы непроизвольно подёргивались, пытаясь ухватить что-то в воздухе.

— И тебя нет! Ты-то где был, Мить? Мне ведь, кроме тебя, некому пожалиться. А тебя всё нет и нет, нет и нет. Я уже всю икру выметала. Не знала, что и думать. Тебя нет, Златки нет. Это всё мне одной что ли надо? Или это вообще уже никому не нужно?

— Торь, да я... Меня на работе задержали, — нерешительно ответил Митя.

— Ах, на работе, — удручённо покивала она. — Понимаю, работа. Хотя... Ну её, эту работу. Чтоб ей сгинуть. Чтоб ей синим пламенем сгореть. Потому что я так больше не могу, Мить, ты понимаешь? Я не могу! Я не могу больше... — шёпотом произнесла она. По щекам её тут же хлынули чёрные, испачканные в туши слёзы, а под носом что-то заблестело. Не замечая влагу, Виктория произнесла сдавленным голосом: — Я правда... Давай завтра съездим на дачу, а? Давай хоть куда-нибудь уедем из этих четырёх стен? Хоть на пару дней. Мить? Я не могу больше так жить!

Он хотел было шагнуть к ней прямо по луже и рассыпанной муке, обнять, крепко прижать к себе и успокоить, но, услышав о выезде на дачу, да ещё на все выходные, сразу замер, будто кто-то толкнул его в грудь. Понимая, что любая поездка невозможна ни под каким предлогом, он в оцепенении делал мучительный выбор: сказать об этом сейчас или перенести на потом. Рассуждая логически, предпочёл вынести весь ужас скандала сразу, за один день, а не растягивать его ещё и на завтра. Закрыв глаза и прошептав про себя: «Одного потешить — другому не угодишь», он произнёс безжизненно:

— Тори, дорогая, мы не можем уехать. Я удручён этим, но... Но мне надо работать. Все выходные. Просто меня заставили...

— Ты что? Ты правда взял работу на дом? На все выходные? — выдохнула она с недоверчивым выражением лица, не в силах осознать и принять его слова. — Ты правда взял? Но ведь я тебе говорила. Я же просила тебя, Мить... Я же просила...

Вдруг её покачнуло. Чтобы не упасть, она вцепилась в край стола. Её кисть дрожала, совершенно отказываясь слушаться хозяйку.

— Неужели? Неужели вам... вам настолько на меня наплевать? Неужели после всего? После всех этих лет, после заботы? И Златке. И тебе. Неужели я вообще-вообще для вас ничего не значу? Неужели всё настолько бессмысленно?

— Торь, Торь... погоди. Я тебе сейчас объясню. Ты всё не так поняла.

— Ты? Мне? Объяснишь?! — голос её задрожал, быстро набирая силу. — Ты мне хочешь сказать, что я тебя не поняла? Ты послал меня к чёрту с моими просьбами. Ты открыто на меня наплевал! И Златка тоже! Вы оба наплевали на меня! И после этого ты мне объяснить ещё что-то хочешь? Я для вас кто? Кто, я спрашиваю?! Никто?! Да я на вас всю жизнь свою угробила, чтобы вы вот так ко мне? Да пошли вы к чёрту! Пошли вы оба! Ненавижу! Я вас ненавижу! Провалитесь вы! Скотины!

Оттолкнувшись от стола с такой силой, что тот едва не упал, она бросилась на супруга. Митя успел лишь отшатнуться и, как в замедленной съёмке, увидел, как тело её покачнулось, а лицо из злобного превратилось в удивлённое.

Левая нога Виктории подкосилась, всё тело начало заваливаться на одну сторону, она успела ещё сделать неловкий шаг правой ногой, по инерции понеслась вперёд, изо всей силы врезавшись головой прямо о бетонную стену, отчего её перевернуло в падении, и она рухнула на пол, ударившись спиной и затылком, неестественно подвернув ноги.

Митя в панике наблюдал, как глаза её закатываются, рот открывается в беззвучном крике, кожа быстро приобретает оттенок рассыпанной по полу муки, а тело обмякает, словно расплываясь навстречу луже, вытекающей из перевернутой кастрюли.

Он резко отшатнулся, неосознанно сделав несколько шагов назад, подспудно ощущая, как внутри его что-то надломилось, — как будто мощный порыв ветра сломал хрупкую веточку, безвозвратно обрывая связь с прошлым.

И тогда он заорал во всё горло.

*

— Что с ней? Ну скажите уже! — Митя прижал руки к груди, умоляюще глядя на бородатого врача в белом халате, что-то записывающего неразборчивым почерком на медицинском бланке. Его возглас глухо пронёсся по длинному коридору приёмного покоя, испуганно затихнув где-то возле двери, за которой и находилась его благоверная.

— Мужчина, я вам повторяю: как только будет хоть какая-то информация, вам сообщат, — недовольный уса́тый врач даже не взглянул на Митю, продолжая занятие, которое казалось ему гораздо более важным, чем утешение взволнованного мужичка, до боли в сердце переживающего за жизнь самого близкого ему человека. — Я вам уже говорил, что улучшения пока нет, состояние тяжёлое, но стабильное. И больше я не знаю, что с ней. Я же не дежурный врач. Сегодня Светлана Степановна на дежурстве. Поэтому все вопросы к ней.

— Так она не выходит в приёмный покой, а внутрь не пускают. Помогите, а? — жалостливо съёжился Митя, чувствуя себя маленьким и беззащитным перед профессиональным равнодушием.

Но тот ничего не ответил, размашистой подписью подписал бланк, сунул бумаги в окошко и, чеканя шаг, скрылся за заветной дверью. В длинном коридоре приёмного отделения вновь остались трое: полная медсестра с сонными глазами, растерянный Митя Осилин, да спящий на кушетке пьяный мужик с неровной резаной раной на щеке, криво зашитой чёрными нитками, по которой на пол медленно стекала и капала тёмная жидкость, мало напоминающая кровь.

Не получив никакой помощи от врача, Митя в очередной раз обратился к оловянной белобрысой медсестре неопределённых лет, явно желающей поскорее закончить смену — и на этом всё.

— Может, всё-таки вы, девушка, а? Миленькая! — Митин голос дрогнул. — Я тут уже два часа сижу, а врач ничего не говорит, что с ней?

— Мужчина-а, — соизволила ответить дамочка, получившая должность, позволяющую ей, порой, чувствовать невероятное превосходство над несчастными посетителями приёмного отделения первой городской больницы. — Вам же всё ска-азали. Светлана Степа-ана нынче дежурит, а не он. Чё непонятного та?

— Может, можно позвонить дежурному врачу?

— Нет. Вы лучше домой поедьте, не мельтешите тут!

— Да как же я домой пойду, не зная, как она? Да вы что!

— Тогда вон туда, — показала она пальцем вглубь коридора.

— Что? — тут же обернулся он, пытаясь разобраться, куда она ткнула.

— Вон, видите, скамейка стоит. Садитесь на неё и сидите. Вас вызовут.

Митя прижал ладони к лицу и, не отвечая, направился, куда ему указали.

Плюхнувшись на жалобно заскрипевшее сиденье, он, нервно хрустя костяшками пальцев, приготовился терпеть невыносимую муку неопределённости. Время для него поползло с черепашьей скоростью, словно каждая минута взбунтовалась, решив течь как можно медленней, дабы усугубить и без того отчаянное положение бедного Мити, в то время как он места себе не находил: то порывисто вскакивал, вышагивая по коридору, то бессильно оседал, сдавливая ладонями пульсирующую безумными мыслями голову и судорожно раскачиваясь всем телом.

Жизнь его полностью выдохлась, а перспективы и планы бесследно испарились, оставив после себя лишь осадок мутной безысходности. В какой-то миг он почувствовал себя частью унылой больницы — старой облезшей стеной или серым пятном на окне, ничего не значащим и никому не нужным. Бессмысленность бытия, бестолковость судьбы, бесплодность попыток съедали его волю и разум, не оставляя никаких надежд. Состояние глубокой удрученности поглотило его, окунув в пространство без выбора. Казалось, что это мучение никогда не закончится.

Однако всему приходит конец.

*

— Папа! — раздался крик со стороны входа в приёмное отделение больницы.

Митя сразу же встрепенулся.

К нему бегом кинулась Злата.

Единственная дочь и гордость.

— Бахилы-то, бахилы забыла! — напрасно заверещала медсестра в окошке.

Не слушая её, девушка сразу рухнула в объятия отца, горько разрыдавшись.

Он даже не успел её разглядеть.

Она уткнулась ему в плечо, дрожа.

Митя крепко обнял дочку, погладив.

— А ну, не реви! — он сразу пришёл в себя, найдя опору для дальнейшей борьбы.

В его голосе прозвучала твёрдость. Митя распрямился. Сурово свёл брови вместе.

— Ну что, как она? — отпрянула Злата.

Размазывая слёзы, вытерла лицо.

Отец стойко покивал головой.

— Всё нормально! Держится. Всё у неё будет хорошо, ты не волнуйся. Она крепкая.

Злата, прислушавшись к нему, поморгала ещё детскими, доверчивыми глазищами.

— Что с ней, пап? Что случилось?

— Да голова закружилась, упала.

— Ну, то есть ничего серьёзного?

— Конечно! Сейчас ей просто укольчик пульнут, и домой отпустят. Бегом побежит!

— Пап, я так испугалась. Домой пришла, а там такой трам-тарарам. Всё раскидано.

— Она пироги хотела поставить...

— Всё в муке и тесте, в осколках...

— Стол упал, всё на пол слетело...

— Я к тёте Маше. Она, говорит, видела в окошко, как маму твою на скорую грузили.

— Так, конечно, я ж сразу вызвал, через семь минут приехали, укол воткнули и сюда.

— Пап, а как получилось, что вы...

— Осилин! — вдруг раздался зычный голос медсестры. — Вас Светлана Степа-анна зовёт. А вы, девушка, ну-ка бахилы одевайте. А то ишь чё, повадились.

Митя тотчас кинулся на крик, даже не вспомнив про оставленную на кушетке шапку. Златка поспешила вслед, хватая на ходу бахилы из картонной коробки.

*

— Что могу сказать: у пациентки выраженная гематома — ударилась она серьёзно. Состояние средней тяжести, но все жизненно важные показатели в норме: давление, пульс, сатурация. Сделали ЭЭГ — без патологий. А вот кардиограмма зафиксировала нарушение сердечного ритма.

Светлана Степановна, привлекательная женщина среднего возраста, оторвалась от бумаг, взглянув на Митю из-под строгих очков. Её взгляд задержался на нём чуть дольше, чем тре-

бывалось. — Кровь взяли — очень низкий гемоглобин. У неё, случаем, месячных не было недавно?

— Мне кажется, нет. У неё сейчас вообще всё... Нерегулярно.

— Ну, это естественно. Возраст-то приближается к пятидесяти.

Митя переглянулся со Златой, сидевшей чуть в стороне, на кушетке, пока врач задумчиво листала результаты анализов, покусывая губу. Его пальцы непроизвольно теребили пуговицу на рубашке — он ловил каждое её движение, отмечая, как она держит ручку, как слегка наклоняет голову, вслушиваясь в ответы. Наконец, врач оторвалась от документов. В какой-то момент их взгляды встретились — и Митя поспешно отвёл глаза, почувствовав, как по спине пробежал странный трепет.

— Раньше я бы назначила вам КТ, но она у нас уже пару месяцев не работает, а во второй городской больнице аппарат ещё в прошлом году увезли на ремонт — и с концами. Так что, увы, без томографии. Как вы, наверное, знаете — запчастей нет. Наши инженеры что-то пытаются придумать, но, к сожалению, безуспешно. Вот аппаратура и летит. Я уж о МРТ и не говорю, сегодня это роскошь. — Она ушла было от темы, но сразу вернулась. — Так о чём я?

Светлана Степановна задумалась, машинально накручивая прядь волос на палец.

— А! Именно поэтому я, к сожалению, не могу с уверенностью сказать, что именно с ней случилось — для этого всё же обследование нужно. Но визуально она в порядке и полностью пришла в себя. Я с ней разговаривала, все рефлексы в норме, чувствительность и координация движений тоже, она полностью владеет телом и речью, так что это, вероятнее всего, не инсульт. Но! — она выразительно подняла вверх палец с намотанным на него локоном, и на мгновение её глаза встретились с глазами Мити. Он снова смущённо опустил взгляд. — Возможно, переутомление на фоне низкого сахара и гемоглобина. Ничего, кстати, необычного в её поведении не замечали?

— Н-нет, — неуверенно проговорил Митя, почему-то не в силах оторваться от того, как она играет с волосами. Его ладони слегка вспотели, и он незаметно вытер их о брюки.

— Может быть, изменения в характере? Может, стала более вялой или, наоборот, агрессивной? — заметив, что посетитель не сводит с неё глаз, Светлана Степановна поспешно прекратила своё непроизвольное занятие.

— Ну да, ну да, — скороговоркой ответила за отца Златка, ввязавшись в разговор. — Раздражительной! И нервной! Сто процентов! Да, пап? Да?

Митя, конечно, не хотел выносить сор из избы, но вынужден был кивнуть, кисло улыбаясь. Его плечи поникли, а взгляд метался между Златой и врачом, в поиске поддержки.

— Тогда, возможно, переутомление. Плюс осень на дворе — депрессия у людей в такое время года. Солнца уже две недели не было — что вы хотите? Побольше гуляйте, даже если дождик, ничего страшного. Витаминчики попейте. Кушать не забывайте. И любите друг друга — вот мой совет. Тогда будете жить долго и счастливо. Ну, — она захлопнула медицинскую карточку, заканчивая разговор, — ещё вопросы есть?

— Да, — робко кивнул Митя. — Светлана Степановна, извините, но что нам дальше делать?

— Что делать? Пациентку я перевожу в отделение, пусть выходные полежит. Капельницы ей поставим, глюкозу поднимем, железо. А в понедельник на обходе решим — оставим на недельку или выпишем. И снова заживёте, как раньше. Главное — делайте всё возможное, чтобы она не волновалась, поскольку в теории это может усилить нейродегенеративные процессы. Старайтесь угодать, помогать и ни в чём ей не отказывать. Всё понятно? — врач поднялась с кресла, поправив халат на бёдрах, давая понять, что аудиенция закончена.

— Ага! — вскакивая с кушетки, улыбнулась Златка, довольная, что мама, скорее всего, действительно переутомилась и после пары капельниц пойдёт на поправку.

— Нет, — растерянным от волнения голосом возразил Митя и упрямо помотал головой, не собираясь уходить. Ужас пережитого всего несколько часов назад придал ему силы, заставив превозмочь обычную робость. — Мне не совсем понятно.

— Что именно? — нахмурилась Светлана Степановна.

— Вы сказали, что только аппаратура сможет установить, что там у неё?

— Да, это так. И что? — удивилась врач, снова усаживаясь.

— Так назначьте её на эту аппаратуру. Пусть проверят. А вдруг что-то серьёзное?

— Вот чудак-человек! Я же вам сказала, что в городе только два КТ осталось. И оба сломаны. А на МРТ сейчас очередь на два года вперёд расписана. Так что...

— А может, нас можно без очереди направить? — настойчиво продолжал Митя.

— Пап, да ладно тебе... — легкомысленно махнула Златка, дёргая отца за рукав.

— Нет, не ладно! Не ладно! — охрипшим от волнения голосом воскликнул Митя. — Я хочу, чтобы мою жену проверили от и до. Чтобы обследование было полным, а не поверхностным. Я требую, в конце концов!

— Ну, знаете, — начала было врач.

— Знаю! Я юрист и свои права хорошо знаю! — он поджал трясущиеся губы. Его уши предательски покраснели. — Выясните, что с моей женой. Досконально. И, желательно, безо всякой очереди!

Злата ошеломлённо уставилась на отца, привыкшего покорно соглашаться со всеми невзгодами судьбы. Но сейчас, несмотря на дрожащие руки, он шёл наперекор собственной нерешительности.

— Уважаемый, — произнесла Светлана Степановна с нотками металла в голосе, но и с явным уважением, будто в глубине души оценила его упорство. — У меня тут не частная клиника, а обычная больница! Говорю же, на МРТ очередь на два года вперёд. Это я не фигурально выражаюсь, а реально. И все хотят попасть вне её. Но мест нет. Кто-то там по блату проходит, но...

— А-а-а! Я всё понял, — мелко закивал Митя. — Вам нужны деньги? Так бы и сказали. Сколько? Сколько вам нужно?

— Да как вы смеете?! — поджала губы врач. — Это уже ни в какие ворота не лезет! Вы мне что, взятку предлагаете? В моём же кабинете?

— Нет-нет, что вы! Вовсе нет, — заторопился Митя, на ходу вспоминая соответствующие санкции из уголовного кодекса, но тут же выкрутился, — Я уточняю, есть ли такая услуга в больнице? И сколько она стоит? Вот и всё. Больше ничего не имею в виду.

— Ну, конечно, так я вам и поверила, — всё же умерила пыл Светлана Степановна, поправляя очки. — Какая может быть услуга, если один МРТ остался в городе, — и то делают по одной томографии в день, иначе аппарат перегревается? Вот потому и очередь такая. У него период эксплуатации не более пятнадцати лет, а он вон сколько работает. Искренне сожалею, но я бессильна! Грубо говоря, всё, что я могу — это прописать клизму, хотя вряд ли она кардинально изменит ситуацию.

— Я, конечно, всё понимаю, но неужели больше вообще ничего нет? — уточнила Златка, удивлённая упорством отца и поэтому решившая прийти ему на помощь.

— У нас? Нет.

— А где есть? — уцепился за ответ Митя.

— В полисе. Хотя и там с ними не густо. Тоже всего два томографа. Вернее, три. Один в госпитале, а второй в частной клинике. Но на первый такая же огромная очередь, если не больше, а в клинике, я тут недавно узнавала, стоимость — космос! Не знаю, как вам, а мне нужно год не есть и не пить, чтобы заплатить. Так что, увы, но данная ситуация вне моей компетенции.

Она устроилась поудобнее, показывая всем своим видом, что больше ничем не может помочь.

— И что, больше нет никаких вариантов?

— Почему нет? — наигранно удивилась она. — Езжайте вон, в столицу. Правда, там ещё дороже и ещё дольше, но вы, как юрист, свои права знаете и, наверняка, добьётесь чего-то. Правда, потратите кучу денег, времени и нервов, и себе, и другим людям, но добьётесь, я за вас уверена. Вон вы какой... Смелый.

Высказавшись, Светлана Степановна отвернулась к окну, давая понять, что их общение теряет смысл. Потрясённый Митя лишь беспомощно кивнул, на слабых ногах поднимаясь со стула, осознав, что тут ему никто не поможет.

— Ну, погодите, — не собиралась сдаваться Злата, вдохновлённая упорством отца. — Вы сказали, что в полисе три томографа. А рассказали о двух. А третий-то где?

— Этот в научном учреждении, — отмахнулась врач. — Там, где мозг изучают. Он предназначен исключительно для научных целей.

— То есть, там всё же могут проверить? — тут же ухватилась Златка.

— Нет-нет! Для анализов он не предназначен, и не пытайтесь.

— Ну откуда вы знаете? Может, можно?

— Уж я-то знаю, поверьте! У меня там сокурсник работает.

— Ну и что?

— А то, что мы с ним тогда долго разговаривали об этом на встрече выпускников. Конечно, я ему задала этот вопрос, у меня же тоже есть желание помочь... Думаете, у меня за пациентов душа не болит? Думаете, мне не хочется помочь каждому? А чем? Я попыталась, но он ответил, что это невозможно. Прибор редкий, поэтому используют его исключительно для науки. — Светлана Степановна поправила браслет на запястье. — Так что вариант — или сюда вставать на очередь, или в полисе. Ещё вопросы? — она в упор посмотрела на Злату.

— А может, вы дадите нам его контакт?

— Чей? — заморгала врач.

— Ну, вот этого знакомого.

— Саша? — она опешила. — Нет, конечно!

— Ну, а что вам, жалко что ли?

— При чём тут жаль, не жаль?

— Дайте его телефон, мы у него спросим?

Светлана Степановна поднялась со стула, демонстрируя стройную фигуру.

— Мне кажется, что вам пора.

Повисло тягостное молчание.

Каждая секунда казалась длиннее предыдущей, постепенно превращаясь в невыносимую пытку. Наконец Митя шумно выдохнул, прижимая ладони к груди, будто пытаясь удержать распирающее изнутри отчаяние.

— Вы уж меня извините, что я так сильно к вам придирался. И Златку простите. Честное слово, мы не со зла. Мы просто... У нас она одна. И кроме неё, никого нет. Но с ней что-то происходит, понимаете? Она, — Митя облизнул пересохшие губы, — она меняется, вы же правильно говорите, а я... а мы не знаем, что делать. Что-то внутри неё прогрессирует, медленно, но верно. То у неё припадки. То истерики. Слабость по несколько дней такая, что едва на ногах удержится. И вот она уже упала, чуть голову себе не разбила. Больше часа без сознания...

Его голос дрогнул:

— Я пока скорую ждал, рядом сидел, держал за руку — а она холодная, и пальцы то сжимаются, то разжимаются сами собой. Это очень страшно. И чем дальше, тем хуже. Каждый новый приступ ужаснее предыдущего. Я боюсь того, что будет через месяц или через год. И я не понимаю, что делать, и вы нас не понимаете!

Златка слушала отца, открыв рот. Она впервые слышала о том, что мать настолько больна и её состояние ухудшается.

— Да что вы такое говорите! Это я-то вас не понимаю?! — воскликнула Светлана Степановна, резким жестом сняв очки. Судя по звенящему голосу, обвинение в бесчувственности больно ударило по её самолюбию. — Вы, вообще, соображаете, что говорите? Я дежурный врач в неотложке! У меня таких как вы — каждый день! И мне приходится всем им говорить, что здесь я бессильна! Не им, так их близким! А у меня тут умирают через день, да каждый день! Но я ничем не могу помочь! Ничем! Нет ни лекарств, ни приборов. Вот, витаминки, да аскорбинки — как хочешь, так и лечи! А потом такие, как вы приходят, и начинают: «Я юрист, а я экономист», — передразнила она. — А я чем ей томографию сделаю, градусником?

— Извините, извините нас, — Митя прижал к груди трясущиеся руки. — Мы пойдём... Мы уже уходим... Злата, пошли...

— Нет! Никуда мы не пойдём! — вскочила на ноги Златка. — Вы что? Да у вас совесть есть? Вы слышали, что сейчас папа сказал? Что у мамы какая-то болячка прогрессирует! Это же... — у девушки навернулись слёзы на глаза. — Это же мама моя! Вы что?! Она будет вот так разрушаться... а мы будем смотреть? Вы, вообще... Вы соображаете, что говорите? У вас самой-то мать есть? У вас сердце есть?!

Митя тут же подключился к взволнованному монологу дочери, пробормотав:

— Если что, мы не скажем, что от вас. Скажем, что просто узнали откуда-то. Пожалуйста, ну помогите нам! Дайте его контакты, а? Ну, пожалуйста...

Светлана Степановна хотела было сказать что-то резкое. Но вместо этого нацепила очки, затем рывком выхватила из ящика записную книжку, быстро пролистала, нашла записку, вырвала листок с последней страницы, стремительно переписала и протянула ему записку, давая понять, что разговор окончен. На мгновение их пальцы соприкоснулись, и оба вздрогнули, будто от лёгкого электрического разряда. Она поспешно отступила на шаг, стараясь скрыть замешательство.

— Вот, держите! А теперь не забудьте уйти и закрыть за собой дверь с обратной стороны.

*

Отец с дочерью молча тряслись в пустом вагоне последнего трамвая. Тусклый свет уличных фонарей неровно пробивался сквозь заляпанные окна, создавая ощущение гротескной иллюзорности происходящего. Митю всё ещё била дрожь: от колючего ветра, пробирающегося сквозь щели вагона, а может, от несправедливой взбучки на работе, или от безумной стычки с одержимой супругой, или после недавней выволочки в больнице, детали которых никак не выходили у него из головы. Перед его глазами снова и снова прокручивались бурные эпизоды, наполненные перекошенными лицами и резкими криками.

Словно тонкая веточка на сбросившем листья дереве, он трепетал от малейших изменений образов, хаотично мелькающих в его воспалённом воображении. «А вдруг, а если...» — раз за разом проносились тревожные мысли: разрозненные, бесформенные и оттого ещё более пугающие. Иногда, охваченный гневом, он машинально до боли в пальцах сжимал связку ключей от квартиры, испуганно вздрагивая от собственных эмоций, осторожно косился на дочь, молчаливо разглядывающую в трамвайном окне проплывающие огни уличных фонарей, — не заметила ли она его состояния?

Митя всем своим существом чувствовал, что балансирует на грани. Пожалуй, ещё ни разу за всю жизнь ему не приходилось испытывать подобного непрекращающегося стресса, который усиливался от часа к часу. Он не мог выбросить из головы ничего из того, что произошло с ним сегодня. Все события, накапливаясь и умножаясь, физически давили на него, заставляя казаться незаметнее. Они подтачивали его веру в себя до такого состояния, что она полностью исчезала, оставляя его лицом к лицу с суровой реальностью. Да ещё холод, проникающий из

всех щелей старого трамвайного вагона, медленно, но верно сковывал внутренности, заставляя их сжиматься, в то время как пронизывающий ужас собственной беспомощности беспрепятственно проникал в самые дальние уголки беспокойной души.

Он не мог смириться с тем, что ему нечего было противопоставить людям вокруг. Их стремление обидеть, унижить и морально уничтожить ближнего казалось Мите кощунственным, бессмысленным и... неизбежным. Он, уже немолодой человек, до сих пор ломал голову над тем, почему внешне нормальные и рассудительные взрослые люди ведут себя подобным образом, теряя сочувствие и человечность. Разве никто из окружающих не видит, насколько нелегко ему приходится? Неужели они настолько слепы и равнодушны? А если они всё же осознают это, тогда зачем добавляют страданий, заставляя его чувствовать свою ненужность и одиночество ещё острее?

Прокручивая эти мысли раз за разом, Митя в какой-то момент почувствовал буквально животную тягу выскочить из вагона на полном ходу и сбежать, куда глаза глядят, не разбирая пути. Куда-нибудь туда, где не нужно принимать решения, где светит тёплое летнее солнце, где добрая мама обнимет и прижмёт к груди, защитив от всех напастей. У него возникло непреодолимое желание навсегда исчезнуть из этой серой реальности, убраться подальше от жестокости, пусть даже признав полное поражение и расписавшись в собственной никчёмности, но зато оставив пульсирующую боль где-то там, позади.

«Сбежать, сбежать, сбежать! Прямо сейчас! Немедленно! Раз и навсегда!»

Эта идея настолько захватила Митю, что, казалось, ничего не может остановить его от её исполнения. Однако его панические размышления прервал спокойный голос Златки.

*

— Всё думаю, пап, отчего она такая бессердечная? Зачем тогда врачом становиться, раз на людей наплевать? Вообще этого не понимаю.

Митя ухватился за разговор с дочерью, как за спасательный круг. Глубоко вздохнув, он ответил как можно спокойнее.

— Кто её знает, Злат. Возможно, это такая профессиональная деформация? Только я думаю, что нам не стоило с ней так грубо... Теперь, случись чего, и не подойти...

— Ага, надо было губы в трубочку свернуть и в задницу себе засунуть, — неожиданно резко ответила она, даже не обернувшись.

— Ты чего так? — возмутился он, в первый раз услышав от дочери грубое слово.

Дочь медленно повернулась к отцу. Её взгляд поразил его абсолютной ясностью и ледяным холодом. Казалось, что это происшествие повлияло на неё совершенно не так, как на него. Если Митя ощущал себя тоненьким прутиком, суматошно раскачивающимся на холодном осеннем ветру, то она сохраняла удивительное самообладание, подобно крепкой осине, с честью выдерживающей любой порыв.

— Знаешь, папа, иногда всё же стоит показывать зубы. Иначе тебя так и будут продолжать топтать ногами.

Злата вновь отвернулась к окну, сохраняя полное самообладание.

— А кто это? — возмутился он. — А кто это меня топчет, извините?

— Да всё, пап, — помедлив, ответила дочь. — Давай закроем тему.

— Что ты говоришь? — возмутился Митя. — Никто меня не топчет!

Злата бросила на него беглый взгляд в отражении стекла и снова уставилась в холодную, тёмно-серую, промозглую действительность, тогда как Митя обидчиво отвернулся в другую сторону, пытаясь переварить услышанное и одновременно понимая, что к его мрачным мыслям присоединилась новая. К его счастью, дочь всё же решила продолжить неприятный, но спасительный разговор.

— Пап, я никогда не могла понять, а почему ты всегда так боишься высказывать своё мнение? Так, чтобы в полный голос. Чтобы тебя на самом деле услышали. Почему?

Митя вздрогнул, как от пощёчины, но ничего не смог ответить, только сжал руки в замок.

— Я помню, раньше ты постоянно повторял одну и ту же поговорку: «Одного потетишь — другому не угодишь». Веришь или нет, но я никогда не понимала её смысл. До меня и сейчас не доходит, зачем нужно обязательно кому-то угождать, перед кем-то выслуживаться, думать, что о тебе скажут другие? Почему нельзя просто делать то, что тебе самому нравится?

Злата не моргая глядела на отца, ожидая ответ. А он не знал, что сказать, поэтому с трудом выдавил из себя первое, что пришло в голову:

— Это... это не моя пословица. Мне так мама всегда говорила, твоя бабушка, царствие ей небесное.

— И как это тебе пригodiлось? Я имею в виду... ну, ты понял.

Митя пожал плечами, чувствуя, что, несмотря на непростой вопрос, от разговора с дочерью ему становится легче, а недавнее желание сбежать в неизвестность исчезает, словно навязание. Он собрался с мыслями:

— Злат, не знаю даже, что тебе и ответить. Наверное, я просто стараюсь жить так, чтобы всем было комфортно и удобно. Тем более, что я конфликты терпеть ненавижу — эта история совсем не про меня.

— В том-то и дело! Но не могу понять — почему? Ты как будто боишься любых поступков и от этого стараешься ничего не совершать. Ты всю жизнь был в тени — мама командовала, решала за тебя, указывала, что делать.

— И чего плохого? Зато мы никогда не ругались.

— И что, ты думаешь, что оно того стоило?

— Мне кажется, это довольно разумно.

— А мне кажется, что это проблема.

— Почему же ты так считаешь?

— Да потому что моя мама — вот вообще не командир! Ни разу! — Златка повернулась к нему всем телом, положив ладонь ему на руку. — Пап, давай начистоту — у неё другой совершенно склад ума и другой характер. Ты всегда был умнее мамы, но тем не менее решения у нас в семье принимала и до сих пор принимает именно она.

— Виктория сама так хочет, — отрезал он, слегка отстраняясь. — И не надо делать из этого трагедию.

— Да не хочет она, не хочет! Она обычная слабая женщина. Ей приходится быть сильной, потому что ты сам её к этому вынуждаешь, из-за того, что отказываешься быть хозяином в семье!

— Ну, знаешь, — возмутился отец. — Это ты так считаешь.

— Нет! — не согласилась с ним дочь, расплившись. Она дёрнула его за рукав. — В том-то и дело, что это ты так считаешь! И я задаю себе вопрос, что это: твой страх или твоя лень? Да-да, пап! Не надо кривиться. Мне кажется, ты попросту не хочешь утруждаться, тебе нравится не сопротивляться обстоятельствам — типа, как будет, так и будет! Но ведь это неправильно. Не по-мужски. Даже сегодня — врачиха сказала, что не даст контакта этого доктора, а ты что сделал? Взял и согласился. Так просто. А ведь речь шла не о какой-то ерунде, а о здоровье мамы!

— Погоди, погоди... — попытался остановить её Митя.

— А вот я, в отличие от тебя, не отпустила эту ситуацию! — не слушая отца, раздула ноздри Златка. — И в итоге получила то, что мне было нужно. То есть это моя заслуга, а не твоя. Поэтому, получается, маме повезло, что я приехала, потому что ты бы тихонечко в сторонке постоял, пока эта врачиха тебя отчитывала! И ничего бы не добился!

— Говори тише, мы вообще-то в общественном транспорте едем, — шикнул на неё отец.

— Лучше уж рискнуть и, возможно, потерпеть неудачу, чем не рисковать и проиграть в любом случае! — всё-таки послушно понизила голос дочь, при этом не намереваясь отступить. — А ты, папа, всё время сдаёшься, даже не пытаешься победить.

— Ты ещё слишком молодая и многого не понимаешь, — громким шёпотом ответил Митя, оглянувшись по сторонам. — Думаешь, я не пробовал? Пробовал. Ещё как пробовал! Но в итоге всё, что я пытался делать, приводило к провалу. Да, вот такой я. Не выходит у меня ничего путного. А вот когда отпускаешь ситуацию, то знаешь — что-то, да получается. Так что, видать, судьба моя такая — плыть по течению. Вот я и плыву.

— И куда ты приплыл? — в сердцах бросила Злата.

— Да куда! — так же запальчиво ответил Митя. — Ты ещё жизни не видела, а всё туда же! Всё у меня, оказывается, не так, да не эдак. А сама-то чего без нас с матерью добила? Ничего! В общагу ушла и даже стирать за собой не научилась. К нам бегаешь. Мать тебе пироги печёт. Да и деньги кто даёт? Или они с неба сыплются? Вот, тот же! А ещё учить она меня будет, — он обидчиво отвернулся от неё.

— Я не учу тебя, пап. Я пытаюсь понять, — снова подёргав его за рукав, примирительным тоном ответила она, понимая, что перегнула палку.

Долго глядела на него, прежде чем продолжить.

— Нам же с тобой с утра ехать надо, а ты молчишь. А какой у нас на завтра план действий: как и чего, во сколько? Ничего не понятно. Вот я и пытаюсь тебя расшевелить, чтобы ты сказал мне, что нам нужно делать.

— Подожди. Куда ехать? — нахмурил брови Митя.

— Как куда? В полис? С этим доктором встретиться, договориться. Пап, ты чего? Эта врачиха нам что, просто так контакт дала? Надо ж не ждать, а действовать. Я в будни учусь, а ты — работаешь. Единственный шанс — выходные. Так что мы будем завтра к нему собираться, кровь из носу. В воскресенье у него точно выходной, а по субботам они работают.

Митя медленно покрутил головой.

— Злат. Но я... я не могу.

— В смысле?! — воскликнула она. — Что значит, не можешь?

— Дочь, извини, — тоном провинившегося ученика начал он, одновременно втягивая голову в плечи. — Я правда, не могу. Мне на эти выходные задали много домашней работы.

— Папа! Ты что несёшь? — возмущённо прошипела Злата. — Какая ещё домашка? Ты что, школьник? У нас мама в больнице! Её на скорой увезли! В реанимацию! Алё!

— Это я её увёз, а не ты! Поняла?! — будучи не в силах сдержаться, чуть не сорвался на крик Митя, но вовремя сдержался, прошипев. — Это я видел её приступ! Это я с ней живу! Это я каждый день замечаю, как она меняется. Я, а не ты! Так что не нужно меня учить!

— Пап, — дочь прижала ладони ко лбу и выпучила глаза, точь-в-точь, как отец. — Погоди... Ты что, действительно не собираешься завтра ехать к этому доктору?

— Собираюсь! Но не в эти выходные! Ближайшие два дня — вообще никак. Что ты, что твоя мать — вы обе понять не можете: если я не выполню работу, то меня уволят. Всерьёз, а не понарошку. И тогда я точно никому и ничего не помогу просто потому, что будет не на что. Как я без денег буду маму лечить, ты об этом подумала? На какие шиши? Это же не шутки! Это реальная жизнь, блин!

Злата ещё несколько секунд смотрела на отца, а потом снова уставилась в окно. Митя хотел было отругать дочь, затем вознамерился продолжить свои объяснения, потом решил извиниться и покаяться, однако только пробормотал себе под нос:

— А всё-таки правильно моя мама говорила: «Одного потешишь — другому не угодишь». Вот оно — наяву: не сделаю работу — уволят, сделаю — с дочерью разругаюсь. И что мне остаётся выбирать? Может, ты скажешь, раз такая умная?

Ответом ему стал лишь мерный гул трамвая, глухо отдававшийся в пошарпанном салоне. Вдоль дороги стремительно мелькали тусклые фонари, иногда попадая в такт монотонному перестуку колёс. Этот ритм — ровный, неумолимый — совпадал с биением сердца, успокаивая и утешая. Его собеседница, похоже, погрузилась в собственные думы, сосредоточенно глядя куда-то вдаль. Они оба не спешили прервать тишину, ибо каждому казалось, что разговор завершился сам собой. Наконец, показалась их остановка, и, не сговариваясь, отец с дочерью одновременно поднялись и вышли навстречу холодному осеннему ветру. Злата бросила на отца беглый взгляд.

— Пап, на улице ветрище такой, а ты без шапки. Как ребёнок, ей-богу.

— Забыл её где-то, — он поднял повыше воротник старенького пальто.

— Держи мою, а я капюшон надену, — не допуская возражения, она сняла с себя желтую зимнюю шапочку с бомбошкой, и, несмотря на его протесты, натянула ему на голову, подхватила за руку, крепко прижалась, тут же почувствовав взаимное тепло и поддержку. Так, шагая по лужам в ногу, отец и дочь отправились домой.

*

Следующие два дня прошли как в тумане. Вернувшись домой поздно вечером, Митя со Златой навели порядок на кухне, после чего уставшая девушка без сил рухнула в своей комнате, той самой, в которой обосновался её отец, а ему самому пришлось расположиться на кухне, поскольку устроить импровизированный кабинет в спальне Виктории он посчитал кошунством. Осторожно, чтобы не разбудить мирно сопящую дочь, Митя притащил свою любимую лампу, вывалил на кухонный стол иски, достал допотопный калькулятор, и без проволочек принялся за работу — за два дня и две ночи ему следовало полностью переделать то, на что до этого ушло три недели.

Заварив большую чашку крепкого кофе, он начал «расписываться», то есть что-либо сочинять, тем самым вводя себя в определённое творческое состояние. Как правило, на это ему требовалось около получаса, и лучшим способом была его любимая «стихопроза» — простые рифмованные фразы, которые он сочинял, практически не прилагая усилий. Вот и сейчас он накидал на чистый листок бумаги первое, что пришло в голову:

«Я у каменного брода на песчаном берегу, провожаю взглядом воду, что искрится на бегу. Ты у каменного брода отгоняешь мысли прочь: впереди не дни, а годы, друг без друга день и ночь. Мы у каменного брода. Берег — наш постылый дом. В нём закрывшись, ждём чего-то; ты на этом, я на том».

Оставшись удовлетворённым этой короткой зарисовкой, Митя со вздохом скомкал листок бумаги, без сожаления выбросил его в корзину, а сам принялся переделывать казавшиеся бесконечными исковые требования.

Банк применял сложный процент, иными словами, проценты начислялись не только на основную сумму долга, но и на всю накопившуюся задолженность. Приходилось скрупулёзно пересчитывать цифры заново для каждого месяца отдельно, что значительно замедляло процесс.

Примерно через два часа утомительной арифметики Митя ненадолго опустил голову на прохладную поверхность стола, надеясь снять усталость. Но незаметно провалился в сон.

Утром его разбудила Златка. Пока он медленно приходил в себя после ночи в неудобном сидячем положении, она деловито приготовила нехитрый завтрак, подкрасила глаза маминой косметикой и даже принарядилась, найдя в шкафу вещи школьных времён, уже ставшие тесными в груди и на бёдрах.

На строгий вопрос отца, куда это она так откровенно вырядилась, Злата решительно ответила, что для убеждения незнакомого мужчины любой симпатичной девушке нужно выглядеть пленительно и неотразимо. Поэтому, уж если она поставила себе такую цель, то достигать оную

будет любыми методами, конечно, в рамках приличий и того высоконравственного воспитания, коими её наградили батюшка с маменькой. Услышав такие речи, Митя смягчился и отпустил дочь в полис со спокойной душой, не забыв дать ей на проезд, да на обед.

Оставшись один, он наскоро позавтракал, снова сев за редактуру сотен вычислений, заменяя абсолютно верные расчёты ложными, не соответствующими ни смыслу, ни букве закона. Поскольку юрисконсульт действовал в интересах хитрых и потому довольно обеспеченных кредиторов, желающих ободрать, как липку, недалёких и, следовательно, нищих заёмщиков, его задача состояла в том, чтобы подставлять заведомо некорректные суммы там, где следовало писать истинные.

Сам Митя был таким же обычным человеком, как и эти несчастные жертвы банковского произвола. Глубоко сочувствуя им, страдая от несправедливости и искренне переживая за судьбу каждого из них, он всё же был вынужден своими собственными руками всё глубже топить их в кредитном болоте. Скорбные мысли о том, что каждое написанное слово приближает очередную жертву к финансовой катастрофе, минорным лейтмотивом неслись сквозь массив цифр, процентов и умножений, мелькающих перед глазами юрисконсульта.

Пытаясь избавиться от тягостных дум, Митя вспоминал жену. Но только не ту истеричку, что с безумным взглядом взбивала тесто, стоя на этой самой кухне не далее, чем вчера вечером, а иную — с нежной улыбкой, мягкими руками, смеющимися глазами, нежной шелковистой кожей и со струящимися волосами цвета спелой ржи, игриво щекочущими его лицо, когда она наклонялась, чтобы одарить поцелуем.

Они всегда были счастливы вдвоём, а потом, с рождением Златки, и втроём — молодыми и весёлыми. Но что поделать, время летит, люди меняются, и однажды они стали такими, какие есть. И вроде бы ничего кардинального не произошло, просто постепенно пришло тихое ощущение, будто всё вокруг изменилось: просыпаясь утром, кровать отпускала чуть сложнее, а работа казалась чуть бессмысленней. Время словно замедлило свой ход, давая возможность осмотреться сквозь призму прожитых лет и накопленного опыта. Раньше казалось важным куда-то бежать, торопиться, добиваться успеха, а сейчас, прежде чем сделать что-то, Митя долго думал, действительно ли в этом есть хоть какой-то смысл?

Прошло около десяти лет, а может, и того больше, с тех пор как они почти перестали покидать пределы родного города. Редкие поездки случались, но лишь на один день и то по крайней нужде. Возможно, именно поэтому Митя и не поехал с дочерью в полис — в глубине души ему было страшно покинуть знакомую обстановку, выйти навстречу чему-то новому, непредсказуемому и неконтролируемому. Очевидно, возраст давал о себе знать, хотя ему ещё и пятидесяти не исполнилось.

Эти и сотни других мыслей, переплетаясь, заполняли его сознание два дня и две ночи, периодически погружая в кратковременное забытьё, когда он отключался на час-другой. Единжды покинув дом, сбегав в ближайший магазин за батареей для калькулятора, да пакетом молока, остальное время юрисконсульт провёл, почти не вставая с места, без усталости пересчитывая требования и переписывая иски.

Наконец, ближе к четырём часам утра понедельника кипа бумаг была подготовлена. И только тогда Митя торжественно сложил документы ровной стопкой, тщательно умылся, завёл будильник, принял горизонтальное положение, моментально отключившись и точно также автоматически проснувшись по первому звонку, мгновенно вскочив, закинул на ходу бутерброд, запив его простой водой, бодро привёл себя в божеский вид, поспешив на остановку, чтобы вовремя успеть на работу.

Он изо всех сил надеялся, что угроза увольнения обойдёт его стороной и ожидал признания своих заслуг: восторженного возгласа, ободряющего хлопка по плечу или хотя бы поощрительного взгляда удивлённого начальника. Однако, уже на входе в офис, столкнувшись в

коридоре со своим приятелем Устинычем, Митя оказался немало фраппирован неожиданным известием.

— Дим, ты слышал новость? — тот достал из кармана пачку сигарет, собираясь на перекур.

— Какую?

— Оказывается, наш Антон Бориславич всё же замутил со своей новой пассией и уехал с ней на отдых. Будет только в среду. Так что три дня у нас лафа! Можно расслабиться и ничего не делать.

— А что насчёт документов для «Бюро розыска»?

— Не знаю, — почесал затылок Устиныч, выходя на улицу. — Вроде никаких указаний он не давал. Расслабься, короче говоря.

Митя застыл, ошеломлённый — его героический поступок оказался абсолютно не нужен. Никому.

*

Довольный юрисконсульт возвращался после работы с увесистой сумкой в руках, напевая себе под нос какую-то песенку. Если всю первую половину дня он ещё расстраивался и непонятно на кого обижался, то после полудня его душевное состояние резко изменилось. Словно луч солнца пробил тяжелую пелену облаков — стоило бухгалтерии выдать аванс, как плохое настроение моментально улетучилось, а в голове закружилось множество идей. Быстро набросав план действий, он настолько загорелся его исполнением, что еле дождался окончания рабочего дня. И вот, наконец, это время пришло.

За пару суток, что юрисконсульт провёл наедине с документами (и судьбами тех людей, которых они напрямую касались), на улице распогодилось: тучи разошлись, на горизонте алел прекрасный осенний закат, ветер утих, потеплело, а на душе стало немного легче. Так, что он решил пешком прогуляться до дома. По дороге он купил мандаринов, яблок, печенья, сыра и кое-что ещё из списка продуктов, разрешённых пациентам городской больницы, ибо, откровенно говоря, все его планы сводились к одному — скорейшему посещению любимой супруги.

Намереваясь заскочить домой на пару минут, чтобы переодеться (потому что всякое приличное свидание, даже в стенах лечебницы, требует особого подхода), он снова и снова обдумывал подробности будущего разговора. Не зная наверняка, удастся ли им встретиться лично или придётся ограничиться формальной передачей сумки с фруктами через приёмный покой, он всё же лелеял надежду упросить медицинскую сестру пропустить его. Митя тщательно подбирал аргументы — взвешивал каждое слово, продумывал интонации. В его воображении строга сестра милосердия после долгих уговоров всё-таки сдавалась, скрепя сердце, и разрешала ему увидеть супругу. И он верил в это — всем сердцем, отчаянно, как в чудо.

Но судьба распорядилась иначе — на скамейке у подъезда его ждала... Виктория.

«Это сон?» — мелькнуло в голове. Он замер, глядя на неё, не в силах поверить. Она повернула голову, заметила его — и улыбнулась. Слабо, устало, но так, как умела только она. И все заготовленные слова, все аргументы, все планы рассыпались в пыль.

— Тори! — растерянно воскликнул Митя, с ходу бросившись к своей возлюбленной. — Ты как тут? Почему?

— Я выписалась! Самостоятельно! — она вскочила ему навстречу, раскрыв объятия. — Ой, Мить, ты бы знал, как я соскучилась!

— И я тоже! — Митя крепко обнял её, поцеловал в губы и расцеловал в щёки. — Как это выписалась? Ничего не понимаю! Это сон какой-то?

— Нет! Я настоящая! И я чувствую себя замечательно! Поэтому меня и отпустили! — звонко засмеялась она. — Сказали, что был недостаток витаминов и внимания, и что теперь

ни в коем разе нельзя допускать депрессивного состояния, наоборот, надо как можно больше радоваться. Поэтому, смотри, что я купила!

Она выставила вперёд полиэтиленовый пакет.

— А что это? — Митя никак не мог прийти в себя.

— Это? Это портвейн! Да не наш, а португальский!

— Чтобы ты, да купила бутылку? А что за праздник?

— Меня выписали на законную неделю больничного.

— Ого! Поздравляю! А я смотри, фруктов тебе купил!

— Значит, у нас с тобой наконец намечается веселье!

— Торь, но ведь сегодня понедельник. Мы пить будем?

— Да, Мить, сегодня у нас с тобой будет счастливый день!

В его груди взбурлило, и он весело рассмеялся, заразив смехом жену. Довольные супруги ещё раз крепко обнялись и так, в обнимку, пара направилась ко входу в подъезд. Бодро шагая по ступеням, Виктория оживлённо болтала, решив, по-видимому, рассказать всё и сразу:

— Мне как прокапали каких-то витаминов, так сразу полегче стало, причём значительно. Только покалывания в пальцах остались, но мне прописали кое-какие лекарства и обещали, что всё должно пройти. А в общем, настроение замечательное: тревога исчезла к чёртовой матери, напряжение спало, а я наконец-то позволила себе расслабиться — два дня ничего не делала, только ела и спала. Полетныйничала от души, с соседками по палате потрепалась о том, о сём. Хотя, знаешь, в их жизни тоже ничего интересного. Так что сегодня утром я уже всё — заскучала. Светлана Степановна, говорю, я прекрасно себя чувствую и хочу домой. Она даже не стала уговаривать, только рукой махнула.

— Такая она, эта Светлана Степановна — своеобразная баба, — поднимаясь на четвёртый этаж, немного запыхавшись от веса тяжёлой сумки, поделился мнением Митя.

— Да, на самом деле, она мне показалась немного странной. Мы с ней случайно столкнулись в коридоре, она сама усадила меня рядом с собой на кушетку и очень долго беседовала — расспрашивала о моём состоянии, о приступах и даже о личной жизни. Зачем-то интересовалась, чем ты занимаешься, какие у нас отношения в семье, часто ли бывают ссоры и недопонимания, а потом вдруг принялась рассуждать о кризисах долгого брака — мол, на таком сроке многие сталкиваются с трудностями. Странно всё это. Хотя, наверное, я просто надумываю: вероятно, она решила проявить участие, узнать, есть ли у меня поддержка со стороны мужа и дочери. А напоследок, представляешь, подмигнула и сказала, что теперь мне желательно ни в чём себе не отказывать — даже разрешила есть шоколад хоть по килограмму в день, если это будет приносить мне удовольствие.

Добравшись до квартиры, Виктория нетерпеливо подёргала ручку закрытой двери.

— Мить, давай, открывай ворота, ключ-то только у тебя. Меня же полуголую, в одном халате увезли. Хорошо, что ты тогда плащ догадался мне с собой положить, а то бы не знаю, как и добралась. Даже денег нет, чтобы такси вызвать. Дом, милый дом, — со вздохом облегчения произнесла Виктория, переступая порог и морщась от скрипа несмазанных петель. — Ох, как же я хочу помыться. Надеюсь, горячая вода — это не единственное, что меня сегодня согреет.

Она сбросила с себя верхнюю одежду, заботливо поинтересовалась, не нужно ли ему в уборную, и, получив отрицательный ответ, с удовольствием завалилась в ванную почти на час.

За это время Митя порезал фрукты, поставил портвейн в холодильник, накрыл на стол и уже успел заскучать, пока, наконец, супруга не предстала перед ним: распаренная и пышущая жаром, с розовой кожей и мокрыми волосами, в коротком, до середины бедра, розовом махровом халатике и с такой довольной улыбкой до ушей, что он сразу ощутил тот самый внутренний жар, знакомый всем мужчинам, счастливым в браке. Как бы банально это ни звучало, его сердце затрепетало — иначе никак не назвать мощный и яркий прилив тепла ко всем органам, включая зардевшиеся уши.

Тори торжественно прошла в Златкину комнату, плюхнулась на единственное в квартире кресло, с довольным стоном вытянув ноги:

— Я дома. Я так счастлива. Я в раю! Мить, ты чего на кухне расселся? Неси всё сюда, не на табуретках же португальский портвейн пить, в конце концов!

Митя быстро перенёс провизию в комнату, разлил напиток по небольшим пузатым бокалам на маленькой ножке и сел у ног любимой, крепко обняв их и поцеловав. Они выпили за любовь, затем за крепкое здоровье, потом за хорошее настроение, после чего загаданные желания начали сбываться в обратном порядке — им захорошело, на лице появился румянец, а его поглаживания переместились с голеней на внешнюю часть бёдер, отчего на лице Виктории заиграла блуждающая улыбка. Пояс на её халате ослаб, нескромно распахнувшись, наполовину обнажив две тяжёлые груди, обвисшие было после рождения дочери, но сейчас казавшиеся ещё полнее и круглее, чем были в годы молодости. Пышные русые волосы, выющиеся после ванны, водопадом скатывались на плечи, обрамляя лицо, пусть и слегка постаревшее, но до сих пор не утратившее того очарования, заставившее его замереть при первой встрече. Заметив его восхищённый взгляд, она, казалось, опьянела ещё больше: развела колени в стороны и позволила ему поглаживать внутреннюю часть бёдер.

Впрочем, ни он, ни она пока не предпринимали ничего, что могло бы перерасти в интимную близость, поскольку оба они, умудрённые годами совместной жизни, слишком хорошо знали привычки и желания друг друга — и потому им не было нужды торопиться. Пылкость молодости, отмеченная страстными порывами, давно прошла, уступив место основательности, делая их близость более насыщенной и полной внутреннего смысла.

Митя неторопливо разлил тягучий напиток из пузатой бутылки. Виктория залпом выпила свой бокал — блаженная сладость разлилась по телу, а внизу живота расцвело сладкое предвкушение. Чтобы усилить накал страстей, она покрутила перед Митей ступнёй, показывая, что не отказалась бы от массажа; он понял её без слов, тут же переключившись с бёдер на распаренные стопы. Закрыв глаза в истоме, Виктория откинулась на спинку кресла, наслаждаясь моментом.

— Мить, — грудным голосом произнесла Тори. — А скажи, что мы с тобой ещё ничего?

— Ничего, — он пьяненько кивнул, сосредоточенно массируя ей пальчики ног.

— Только делась куда-то, — она покрутила пальцами. — Бесшабашность.

— А что ты хочешь? Повзрослели, поумнели, — согласился Митя.

— Может, и так, но мне кажется, что мы потеряли ту самую дерзость, которая толкала нас на безрассудные поступки, — нараспев излагала Виктория. — Иногда я думаю, что вместе с молодостью мы лишились какой-то, знаешь, свободы, лёгкости. Набрали вес, стали такими, я не знаю, нерасторопными, грузными. Ой, ой, ой — вот так очень хорошо!

— Зато не выпрыгиваем из штанов, как малолетки, — мудро заметил её дражайший супруг, с силой надавливая большими пальцами в середину стопы. — Не ударяемся в крайности. Не испытываем судьбу. В этом суть.

— А может, и стоило бы. Может быть — стоило! — не согласилась с ним супруга, распахивая глаза. — Ну что у нас? Каждый день похож на предыдущий, одно и то же, никакой искры! Рутинка! А помнишь, какие мы были отчаянные и дурные? Где мы только с тобой не занимались любовью. Ты вспомни, Мить! После выступления в Доме культуры, в подсобке за кулисами. А весной в парке, на лавочке. Было?

— Было! — подтвердил Митя и добавил собственное воспоминание. — В плацкарте ещё, когда на море ездили.

— Во! Точно! И туда, главное, и обратно. Тогда мы ещё умудрялись вдвоём на одной полке помещаться!

— А на балконе, когда у Маринки день рождения отмечали?

— Ой, там понарошку, что ты! Больше поддразниваний, чем чего-то серьёзного. Но вот знаешь, что я очень хорошо помню и часто вспоминаю?

— Что же? — оживился он, даже перестав массировать.

— Бассейн, — она протянула ему другую ногу.

— Что за бассейн? Не помню, — он нахмурил лоб, взявшись за вторую ступню. — А! Бассейн! Так там же ничего не было.

— И что? Зато какой момент! Мы тогда гуляли по городу, по-моему? Или как мы там оказались?

— Нет, мы с тобой ночью шли с вокзала. Ты откуда-то приехала уже за полночь, а я тебя домой провожал.

— Да, точно. И я увидела, что задняя дверь открыта. Дай, думаю, зайду, в родной басик.

— И меня с собой потащила, главное, — засмеялся Митя, растирая её подошву гребнем кулака.

— В детстве это наш потайной ход был, когда мы утром на тренировки приходили. Чтобы не ждать, пока откроют главный вход, через задний забежали, а уже оттуда наверх, в раздевалки.

— Называется, вспомнили молодость, блин, — хмыкнув, Митя принялся пощипывать внешнюю сторону ступни. — Это надо же! Погнали, говорит, поплаваем. А у нас с собой ни одежды, ни полотенце?

— И что? Зато какое приключение! А помнишь, ты ещё стеснялся раздеваться?

— Как такое забудешь? Я вообще-то шёл тебя с поезда встречать, но никак не рассчитывал, что буду красться тайком в бассейн и голышом плавать! Помню, трусы такие на мне были, семейные, до колен. Я их стеснялся, поэтому стянул вместе со штанами. Ну что, хватит массажа? — похлопал он ладонью по ступне.

— Ой, спасибо! Дай поцелую! — потянулась она к нему, отчего её пояс почти развязался, и халат разошёлся совсем уж откровенно. — С другой стороны — какие моменты остались в воспоминаниях! Помнишь, как мы тогда на цыпочках забежали на второй этаж, как искали выключатель, как снимали одежду? И тишина такая необычная, звуки гулкие, тусклый свет через окна — всё как сейчас стоит перед глазами.

— Честно, я не верил, что ты тогда полностью разденешься. Мне казалось, что пошутишь и на этом всё. А ты куртку — фигакс! Юбку и кофту — тоже. Стоишь такая, в одном лифчике и трусах. Я до последнего думал, что ты их не снимешь.

— А мне казалось, что ты не решишься вслед за мной прыгнуть.

— Ну нет. Куда ты, туда и я! Если ты камнем в воду, то я за тобой.

— Ты знаешь, Мить, — лицо Виктории стало абсолютно серьёзным. — Я, наверное, именно поэтому и повела тебя туда, и сняла с себя одежду — хотела проверить, пойдёшь ли ты за мной. А ты даже не задумался. Ни на секунду. И именно тогда... В тот миг что-то внутри меня щёлкнуло. Я вдруг осознала: мы с тобой настолько крепко связаны, что нам всё нипочём. Потому что такие моменты — они не случайны. Они показывают, кто мы друг для друга на самом деле.

Он только пожал плечами.

— Я не догадывался об этом. Но ты разделась догола и нырнула. Не буду же я в сторонке стоять, когда любимая девушка тянет меня за собой...

Митя не смог договорить, потому что Виктория снова порывисто наклонилась к нему, упоённо впилась долгим поцелуем, одновременно сползая с кресла и устраиваясь рядом. Пояс полностью развязался, оставив халат держаться буквально на честном слове. Дело приобретало нешуточный оборот.

— Торь, погоди, Торь. Мне надо сначала в душ сходить, — он принялся уклоняться от её поцелуев, понимая, чем всё это сейчас закончится.

— Нет, не надо, Мить, пока не надо, — остановила его она, отстраняясь. — Погоди. Что-то я, действительно, тороплюсь. Давай портвейн сначала допьём, а потом уже всё остальное. М?

Покачнувшись, Виктория снова опустилась в кресло, небрежно запахнула халат, сама взяла бутылку и разлила остатки. На этот раз они хвятили по бокалу уже безо всякого тоста.

— А знаешь, о чём я больше всего жалею? — поморщившись после выпитого, спросила Виктория. — О том, что у нас с тобой там ничего не было. Просто поплавали, и всё. А ведь могли бы...

— Как это не было? Я же потом тебя до дома проводил, до квартиры. И мы там, прямо в подъезде, — он непроизвольно положил руку ей на бедро. — Ты что, не помнишь, что ли?

— В подъезде! Точно! Точно! — она так обрадовалась воспоминанию, что захлопала в ладоши. — Я вспомнила, Мить, вспомнила! Как же тогда было хорошо! Чертовски хорошо! Я вспомнила!

И рассмеявшись, снова откинулась назад, на спинку кресла. Сбившийся халат уже мало что прикрывал. Митя почувствовал, что его сознание поплыло, а несформулированные желания начинают брать над ним верх, заставляя шаловливые руки забираться всё глубже. Виктория сползла в кресле ещё ниже, широко расставив ноги и закрыв глаза в истоме. Её грудь тяжело вздымалась от прилива нахлынувших чувств, отчего шея и лицо начали покрываться пятнами, а дыхание стало учащаться.

Но внезапно она резко сдвинула колени.

— Погоди, Мить, погоди, я щас!

Нетвёрдой походкой, покачиваясь, Виктория выбежала из комнаты. Митя думал, что ей приспичило в туалет, но он ошибался — супруга включила свет в коридоре и стала что-то шумно искать.

Он хотел было ей помочь, но так и не смог справиться с силой тяжести и оторвать своё обмякшее тело от пола. Да ещё накопленная за последние дни усталость вкупе с недостатком сна давали о себе знать: глаза стали предательски смыкаться, а подбородок так и норовил упасть на грудь. В его голове закрутились нечёткие мысли, намереваясь утащить его в дремوتную воронку. От борьбы с пьяной сонливостью его отвлекли цокающие звуки. Митя обернулся.

В дверном проёме показалась Виктория, всё в том же полураспахнутом халате и... туфлях на высоком каблуке. Она изящно согнула ногу, одной рукой приподняв полы, а вторую протянув ему.

— Пошли!

— Куда?

— В подъезд.

— Куда?!

— В подъезд!

— Сейчас?!

— Сию же минуту!

— Но зачем?

— Пошли и узнаешь.

— Объясни мне!

— Хочу выйти с тобой в подъезд, чтобы ты меня трахнул!

В ту же секунду с Мити совершенно слетела сонливость.

— Ты хочешь, чтобы мы... занялись любовью в подъезде?

— Не-ет! Я хочу, чтобы ты меня трахнул там изо всех сил!

*

Едва Митя открыл подъездную дверь, его ослепили яркие лучи осеннего солнца, заставив расплыться в улыбке. Сегодня он не просто спешил на работу — он летел, окрылённый

любовью. Сил в нём пробудилось столько, что мысль о тряске в трамвае казалась невыносимой: хотелось мчаться, прыгать, выкидывать колёнца! Правда, последнее Митя, разумеется, не стал делать по понятным в его возрасте соображениям.

Воспоминания минувшего вечера будоражили его с самого момента пробуждения. Это было остро. Ему понравилось такое короткое, но ёмкое слово, максимально точно описывающее их вчерашнее слияние; он с удовольствием перекачивал его во рту, вспоминая сюжеты бурной ночи. Всё прошло поистине великолепно: изысканно, пикантно и изящно, вовсе не так, как в молодости, когда страсть диктовала ритм, но исполнение страдало от недостатка опыта. Теперь они могли отдаваться друг другу с невероятной виртуозностью: быстро или медленно, поверхностно или глубоко, нежно или грубо.

Одно смущало — потребность в этом снижалась у него с каждым годом. Впрочем, наверное, таковы неизбежные издержки взрослой жизни, к ним оставалось лишь привыкнуть. Но разве можно было думать о подобном сегодня и сейчас, когда душевное состояние отличалось таким мощным подъёмом? Ни в коем разе!

И он снова углубился в воспоминания прошлой ночи, казавшиеся идеальными в любой позе и с любой точки зрения.

Правда, поначалу Виктория, охваченная внезапной ностальгией, настойчиво предлагала повторить тот самый экстравагантный сценарий многолетней давности — прямо на лестничной клетке спящей пятиэтажки. Однако он справедливо счёл её предложение следствием сильного перевозбуждения — и не согласился. Вместо этого он неспешно отправился в ванную, а выйдя оттуда минут через пятнадцать, Митя застал жену на семейном ложе: та лежала, демонстративно отвернувшись, но при этом обнажённая, и явно готовая к примирению.

Спеша на работу, его сознание раздваивалось: тело стремилось вперёд, к рабочим обязанностям, а разум упорно возвращался к деталям вчерашнего вечера. Мысли хаотично сталкивались и смешивались в неожиданные комбинации: угроза увольнения переплеталась с шёлковой прядью распущенных волос, расчёты задолженности отступали перед образом короткого халатика, жесткие нормы процессуального права смягчались ощущением массажа ног. Судьбы других людей сплетались с его собственной, извивались, складывались в причудливые узоры до тех пор, пока сквозь этот хаос не начал вырисовываться некий образ — смутный, но осязаемый, складывающийся из личных ассоциаций, понятных только ему.

Нахмурившись, Митя даже замедлил шаг.

В голову пришла какая-то странная идея.

Погружённый в глубокие размышления, постоянно потирая лоб и брови, он, наконец, добрался до работы и, открывая дверь офиса, понял, что заронил семя неожиданного замысла: пока ещё неясного, лишённого чётких деталей, но живого и настоящего. Весь рабочий день, пользуясь отсутствием директора, он пытался придать идее форму и очертания, но к концу дня понял, что запутался в клубке хаотичного скопления возникших мыслей. Ещё невнятные, неоформленные, сырые, они хоть и грели Митю одним фактом своего наличия, однако он понимал, что пока не разобрался в них до конца и не осознаёт скрытую перспективу и масштаб задуманного. Решив отложить глубокое осмысление теории на будущее, Митя пообещал себе позже вернуться к своим теоретическим предположениям.

А сейчас, напряженно грызя кончик шариковой ручки, тайком от коллег по правовому цеху принялся записывать свою любимую «стихопрозу», потратив на неё последние часы рабочего дня:

«Спросят меня на том свете (если дадут мне там слово): что ты хорошего сделал или хотя бы плохого? Скажи, как помог ты людям? Зачем не подал им руку? Хату поставил с краю? Спрятался в праздность и скуку? Так же, «как все», «как люди», в толпе растворился серой. Нет, не ищи оправданий, за всё получай полной мерой. И вот я живу осторожно, как могу, отдаляя встречу — спросят меня на том свете, что я им там отвечу?»

Завершив этими философскими вопросами трудовую смену, он с радостью подумал о возвращении домой к любимой жене, с нетерпением ожидая тёплой встречи двух любящих сердец. Быть может, вдохновлённая его вчерашним необузданным пылом, она удивит его приятным сюрпризом на ужин или придумает ещё какой-нибудь особый способ... выразить благодарность?

*

Увы, далеко не всё в нашей жизни складывается так, как мы планируем, а зачастую события и вовсе разворачиваются совершенно иначе. Причина этому заключается вовсе не в тайных кознях высших сил, стремящихся причинить нам вред. Всё проще: воображение вдохновлённого ума, как правило, рисует единственный сценарий развития ситуации, тогда как на самом деле вариантов может быть бесконечное множество. Предсказать, какой из них станет реальностью и как именно это произойдёт, практически невозможно.

Единственным исключением становятся детально продуманные схемы, основанные на логической цепочке причинно-следственных связей, но и они, бывает, рушатся под воздействием случайных факторов, таких, к примеру, как внезапно изменившееся настроение другого человека. Особенно если речь идёт о женщине.

Вот и сейчас всё пошло не так.

Виктория встретила его в ванной комнате, глубоко прогнувшись вперёд, с широко расставленными ногами. Казалось бы, чего-то подобного он и ожидал, но всё оказалось гораздо прозаичнее.

Отсутствие стиральной машины и огромная куча грязного белья довели супругу до изнеможения: целый день она вручную отстирывала вещи в ванной — с хозяйственным мылом, на древней прачечной доске, развешивала их на верёвках в комнате дочери, а затем проглаживала устаревшим утюгом с известковым налётом. Утреннее настроение давно улетучилось — остались лишь усталость и раздражение.

Однако Митя об этом не догадывался. Именно поэтому, когда он опрометчиво прошёл в санузел в верхней одежде, смачно шлёпнул по попе нагнувшуюся над ванной Викторией и одарил недовольно обернувшуюся жену своей фирменной идиотской ухмылкой, которую она категорически не переносила, то, говоря юридическими терминами, все вытекающие последствия стали прямым следствием действий самого виновника происшествия.

*

Через несколько минут, раздосадованный тем, что суровая реальность не совпала с его радужными фантазиями, Митя уязвлённо оправдывался перед супругой, закатав рукава и отжимая рубашку.

— Ты пойми — я не мог!

— Ты просто не захотел!

— Вот вроде умная женщина, а таких простых вещей понять не можешь, — вместо корзины для белья Митя по ошибке швырнул сорочку обратно в ванну, полную мыльной воды, забрызгав себе брюки белой пеной. Несколько капель попали жене на губы, заставив её обтереть лицо. — Тьфу ты! Тори, прости! Но я хочу отметить, что мы с тобой взрослые люди вообще-то! Какой в нашем возрасте может быть секс в подъезде? Сама подумай, это же всему противоречит: моральным нормам, каким-то этическим принципам, здравому смыслу, в конце концов.

— А мне совершенно без разницы, что и чему противоречит, — она изо всех сил принялась отжимать своё розовое полотенце, однако без его помощи влага всё равно продолжала сочиться, стекая по запястьям. — Ты прекрасно видел, как чертовски мне этого хотелось! Так что мог бы сделать исключение из своей принципиальности и выполнить прихоть жены. Но ты

не захотел. Тебе проще сказать «нет», чем исполнить то, что я прошу. И я вчера это отлично поняла.

— О чём ты говоришь? Сколько можно повторять — я просто не в состоянии был это сделать, физически не в состоянии! Дай лучше мне! — преодолев слабое сопротивление супруги, Митя выхватил бельё из её рук и резким движением выжал последние капли. — Я почти три ночи не спал, двое суток составлял документы. Даже не мылся — не до того было. Да и вообще, как ты себе это представляешь? Вот так выскочить на площадку и устроить там трах-тарарах? Ну, правда, я же не двадцатилетний жеребец! Мне пятый десяток, вообще-то!

— Мне тоже, дорогой мой. Мне тоже. Но посмотри на меня! Ты видишь? Видишь? — Оставшись без дела, Тори принялась оттирать мокрые разводы с влажной, прилипшей к телу футболки. Её ладони отчаянно скользили по груди и животу. — Я живая! Я ещё не старая. Мне хочется, ты понимаешь? Хочется!

— Да чего тебе ещё-то надо, я не пойму?! — не удержался от восклицания муж, принявшись помогать ей, смахивая засохшую пену с её облегающих домашних бриджей.

Она с обидой повернулась к нему спиной, прогнувшись в пояснице, достала из тазика простыню, расправила и, раскачиваясь всем телом, резко принялась встряхивать её так, что капли разлетелись по всей ванной.

— А ты сам не понимаешь? Искры какой-то! Бури! Жизни! Ярких эмоций! Чтобы было о чём вспомнить! О чём поговорить!

Закрываясь от летящих брызг, Митя отвернулся. Пошерудил рукой во вспененной воде, проверяя, чтобы там ничего не осталось.

— Но ведь в нашей совместной истории уже бывало что-то подобное. Мы вчера же об этом с тобой вспоминали!

— Мить, в том-то и дело, что случилось! И что вспоминали! Но я сейчас жить хочу, а не в прошлом. И не в будущем. Сейчас! Меня как в больницу увезли, так я сразу это поняла. Моментально пришло осознание. Я будто какую-то скорлупу внутри себя проломила. — Тори осмотрела простынь на просвет, заметив на ней два застарелых пятна, ничем не выводимых. Она медленно обвела их пальцем, будто очерчивая невидимый круг, а затем повернулась к мужу, в изнеможении прислонив к себе влажную ткань.

— Ты сам посуди — сколько нам с тобой ещё осталось до старости? Лет пять? Семь? А годы как пролетают? Махом... Ты не хуже меня это знаешь. Поэтому я больше так не хочу, Мить. Не хочу! Мне нужна жизнь, полная впечатлений! Я уже не могу жить, как раньше! Надо менять всё это к чертям собачьим!

С этими словами она протиснулась мимо него, на долю секунды прижавшись всем телом и обдав жарким запахом пота, а затем стремглав выскочила из ванной комнаты. Митя глубоко вздохнул, вытащил из ванны случайно брошенную туда рубашку, мигом скрутил её в жгут, отжал насухо и, схватив тазик с бельём, молча отправился в комнату.

*

Осторожно, чтобы не наступить на расплывающиеся на полу лужи, супруги в полном молчании вместе принялись развешивать вещи. Когда она закрепляла их на деревянных прищепках, Митя заметил, что её пальцы сильно дрожат, — и в нём проснулась жалость к любимой женщине:

— Хорошо. Ладно. Скажи мне, что именно тебе нужно?

— Ты ж у нас мужик — вот ты и решай.

— Торь, мне ничего не надо! Я не хочу ничего решать!

— Вот именно! Тебе ничего не нужно!

— Я просто пытаюсь тебя понять. Объясни, пожалуйста.

— Что объяснять, если всё очевидно?

— А вот мне не очень! Что конкретно ты имеешь в виду?

Виктория вытерла мокрые и скользкие от мыла руки об домашние биджи, отбросив назад кончики влажных волос.

— Чёрт с ним! Раз ты хочешь объяснений, то давай объяснимся. Мне очень не нравится... да что там, меня бесит, что ты постоянно отказываешь мне во всём? И даже сейчас, когда...

— Что? — перебил её Митя, вытаращив глаза. — Я тебе отказываю? Да я всегда выполняю любые твои требования! Смотри вот, простыни развешиваю. Этого мало?

— То есть, ты не согласен с моим утверждением?

— Я? Нет!

— Видишь, — она подняла брови. — Ты опять говоришь мне «нет».

Митя только руками всплеснул, развёл их в стороны и беспомощно опустил, не зная, что и ответить. А Виктория, ободрённая успехом, перешла в наступление.

— Хорошо, давай вспоминать. Вчера, когда я предложила выйти в подъезд и сделать со мной то, что я чертовски сильно хотела, что ты ответил? «Нет». Несколько дней назад я попросила куда-нибудь свозить меня на выходные, ты тоже сказал — «нет». А днём ранее я потребовала не приносить работу на дом. Мне напомнить, как ты на это отреагировал? Напомнить? Теперь понимаешь? Как бы я тебя ни уговаривала, на все мои просьбы ты отвечаешь одинаково. Отказом.

Виктория сузила глаза, её губы плотно сжались в тонкую линию. Она сделала шаг к мужу, подчёркивая серьёзность своих слов.

— Не хотела говорить, но, по-видимому, придётся, — Тори выдержала драматическую паузу, медленно обвела взглядом комнату, а затем снова посмотрела на Митю, не мигая. — Помнишь, я рассказывала, что в больнице ко мне подходила Светлана Степановна, чтобы узнать о своём состоянии. Знаешь, что она мне сказала? Что твои постоянные отказы могут являться прямой причиной моего кризиса. Понимаешь, о чём я говорю?

— То есть это я, получается, во всём виноват? — поджал губы уязвлённый Митя. Пытаясь уйти от разговора, он бросил развешивать тряпки и обидчиво плюхнулся на свой старенький деревянный стул, принявшись суетливо перебирать документы. Но Виктория, не желая отпускать ситуацию, встала за его спиной.

— Я тебя ни в чём не обвиняю, Мить, я передаю тебе слова очень опытного врача. А она мне прямо заявила, что, когда мои желания раз за разом остаются несбыточными, организм запускает реакцию стресса. Это приводит к тому, что в кровь выбрасывается много кортизола, значит, растёт давление и учащается пульс. Если такое происходит постоянно, день за днём, то риск развития всех болезней увеличивается в разы. Понимаешь? В разы! — она слегка наклонилась вперёд. — И не у кого-то, а у меня. Я постоянно нахожусь в депрессии, часто болею иневажно себя чувствую — ты же сам это прекрасно знаешь. Если так будет и дальше продолжаться, то однажды... однажды ты меня потеряешь, вот и всё...

Виктория не договорила, молча наблюдая, как Митя нервно теребит ручку.

— Конечно, если тебе на меня наплевать, то я могу запросто засунуть все свои желания куда подальше и махнуть на собственную жизнь рукой. Но тогда и ты будь готов к тому, что в какой-то момент меня могут взять и не откачать.

— Я не говорил, что мне до тебя нет никакого дела, не нужно преувеличивать! — Митя вскочил так резко, что стул с грохотом опрокинулся. Он метнулся в дальний угол комнаты и спрятался за рядами развешанного белья, как за щитом. — Так само собой получается, что мне приходится говорить «нет». Я же не специально, в конце концов! Как ты этого не понимаешь?

— Мить, специально или не специально — это тебе решать, — Тори последовала за ним по пятам. — Но только однажды будет поздно, и кому тогда ты будешь объяснять, что

это вышло случайно? Ведь я к этому времени могу уже и не услышать. Но, пока я жива и относительно здорова, — знай, что твои запреты я считаю основной причиной своего стресса.

— Да что ты такое несёшь?! — возмущённо воскликнул он, резким движением откинув висящее между ними полотенце так, что оно шлёпнулось на пол.

— Ничего, — спокойно ответила она, поднимая упавшую вещь, аккуратно встряхивая её и аккуратно вешая обратно на верёвку. — Я говорю правду. Мне надоела пресная жизнь, я хочу разнообразия! Я хочу впечатлений! Без них я умираю — в прямом и переносном смысле. Но твой консерватизм, я бы даже сказала, закоснелость, с каждым днём как будто глубже погружает меня в болото рутины, и я боюсь, что однажды оно засосёт полностью. И тогда я погибну окончательно. Вот и всё. Вот я и высказалась. А дальше — думай сам.

— Погоди, — успокаивающим тоном начал он, судорожно потирая ладонью шею, пытаюсь подобрать слова. — Тори, погоди, пожалуйста. Давай всё обсудим, попробуем разобраться...

— А что обсуждать, Мить? Что обсуждать?! Единственное, что мы можем реально изменить — это наши отношения. Нам нужно сделать их более яркими. Может быть, даже дерзкими, но только не такими, к которым мы привыкли. Я прошу тебя, только не такими! Услышь меня — мне сорок пять лет! Может быть, это моя последняя лебединая песня, после которой наступит старость... или смерть.

Голос Виктории дрогнул. В попытке взять себя в руки она судорожно принялась растирать дрожащие пальцы, а весь её вид выражал крайнее смятение. Казалось, ещё немного — и несчастная рухнет в обморок посреди комнаты. Но она продолжала держаться изо всех сил, упорно стараясь смотреть ему прямо в глаза, хотя взгляд то и дело ускользал в сторону.

Митя, видя, в каком состоянии находится супруга, и страшась этого, не знал, что ответить. Перед внутренним взором вновь возникла та страшная сцена, когда Тори упала без сознания, — и он ни за что не хотел её повторения.

В памяти всплыли слова Светланы Степановны о том, что супруге ни в чём нельзя отказывать. Но что оставалось делать? Глаза его беспокойно бегали. Дыхание участилось. Сердце бешено колотилось, предупреждая о чём-то неизведанном.

Тревога от грядущих перемен, боязнь опозориться, ощущение давления, нежелание ломать привычное течение жизни и множество других неприятных мыслей сковали его волю. Больше всего он хотел сбежать из комнаты, но её пристальный взгляд приковал его к месту, заставив выдавить:

— Что ты от меня хочешь?

Он ожидал услышать всё что угодно, кроме того, что она произнесла.

*

— Я? — она выдержала паузу, сделав несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. — Прямо сейчас... я хочу выйти прогуляться.

Она провела руками по лицу, сбрасывая с себя накопившуюся озлобленность и обиду. На её лице появилась робкая улыбка:

— И правда, мы с тобой уже целую вечность не гуляли вечерами, Мить. В прогнозе погоды сказали, что вчера бабье лето началось и тепло продержится почти неделю — нам нужно сделать всё, чтобы не упустить эти дни! Так что, может, всё же пойдём погуляем? — неожиданно предложила Виктория, тепло улыбаясь.

— Погуляем? — ошарашенно переспросил Митя, не веря собственным ушам.

— Ага, — подтвердила она таким спокойным тоном, словно не бузила всего несколько мгновений назад. — Время-то ещё детское — восемь часов, а на улице так хорошо, погляди, как будто осень специально решила устроить нам с тобой праздник. Даже и не скажешь, что

середина октября: глянь в окошко, какая теплынь, люди в одних лёгких кофтах ходят. К тому же, мне нужно выкупить лекарства, назначенные Светланой Степановной.

Лицо Мити озарилось улыбкой облегчения.

— Так... конечно. Конечно, пойдём. Я и сам хотел предложить, — поспешно согласился он, понимая, что от него не требуется совершать абсолютно ничего неприличного. — С удовольствием пройду перед сном. Тем более говорят, это полезно.

— Вот и прекрасно! Тогда, давай, ты пока ужин разогревай, там тебя пюре с котлеткой ждёт, а я в порядок себя приведу, — расцвела довольная супруга и тут же упорхнула к себе в комнату.

Митя допивал чай, когда в проходе появилась Виктория, широко улыбаясь. На ней красовались просторная юбка выше колен, лёгкая вязаная кофточка и длинный серый кардиган — тот самый, что они купили много лет назад, когда Златка только появилась на свет. Чулки в тонкую сетку довершали образ, добавляя ему кокетства. Желая соответствовать супруге, Митя сменил рубашку, аккуратно пригладил оставшиеся пряди волос, отполировал туфли и накинул пиджак.

*

— Ну что, куда пойдём? — Митя повертел головой, нерешительно топчась у крыльца, пытаясь уловить верное направление.

— Айда в центр, — решительно объявила Виктория, подхватывая его под руку и задавая темп. — Там в аптеке выбор побольше. Заодно в гастроном заскочим — надо эклерчиков купить. У нас же завтра гости.

— Кто это, интересно? — спросил он, уже догадываясь, чьё имя услышит.

— Маринка, кто ж ещё! — отозвалась она, прибавляя шагу. — Утром встретила её у почты — вся зареванная, несчастная: всё-таки разбежалась с тем хахалем. Как мы с тобой и предвидели, кстати. Теперь кровь из носу — нужно прибежать ко мне, поплакаться в жилетку, душу излить. Вот дурында! Договорились, что завтра вечером забежит на чай.

— Вечно у неё одно и то же, — проворчал Митя. — Как одна останется — так сразу к нам, как будто тут мёдом намазано.

— Что поделать — не везёт девке — и всё тут. Уже сколько их у неё было, не счесть, а всё никак не может найти того самого. Бедная она, несчастная.

— Торь, если честно, на самом деле ей никого и не надо, — Митя нерешительно пнул пустую банку, промахнулся и продолжил, как ни в чём не бывало. — Я не говорю, что она плохая. Просто несерьёзно всё это.

— С чего ты взял? — недовольно покосилась на мужа Виктория.

— Уж больно часто она мужиков меняет. Только начнёт встречаться, пару месяцев проходит — и всё, разбегаются. А как ты за это время человека поймёшь? Никак. Нужно минимум несколько лет пожить вместе, разные передрыги преодолеть. Как мы с тобой. В горе и радости, как говорится. Вот тогда что-то понятно будет. — Он покрепче прижал руку супруги, заставляя её обратить внимание на его слова. — А Маринку твою интересуется только постель, и ничего больше. Потому что ей так легче — жить в своё удовольствие и ни под кого не подстраиваться. Сначала один её поматросит, потом другой. А она только делает вид, что ищет большую и крепкую любовь, но на самом деле ей нужен просто большой и крепкий... Ты понимаешь, о чём я?

— Нет, это неправда! — категорически отвергла Виктория доводы мужа, слегка вывернув руку, чтобы ослабить его хватку. — И вовсе она не такая потаскушка, как ты говоришь. Совсем не такая.

— А я разве так сказал? — удивился он. — Нет. Я же совсем о другом. О том, что Маришка всё время находится в поиске мужика. Не важно, какого. Ты вспомни, как она даже меня пыталась того-этого, охмурить. Причём не таясь, прямо при тебе. Еле отбились.

— Отбивался он, — Тори легонько толкнула его локтем в бок. — Если бы я её от тебя не оттащила, неизвестно, чем это всё закончилось.

— Ничем бы не закончилось, ты же меня знаешь, — смущённо ответил Митя, тут же поспешив сменить тему. — А как ты её тогда назвала? Смешно так.

— Шалапёндра, — фыркнула Виктория. — Слово-то какое. И откуда оно у меня взялось? Вырвалось первое, что в голову пришло. Помнишь, я за космы её оттащила?

— Ой, да, — он недовольно отмахнулся, ускоряя шаг, словно желая поскорее оставить эту тему позади. — Не хочу вспоминать даже.

— Хорошо, что мы обе отходчивые, — Тори неторопливо зашуршала опавшей листвой, заставив его идти медленнее. — Я ж думала, что она меня никогда не простит, но ты глянь! На следующий день сама ведь прибежала ко мне извиняться. А почему? Потому что я отходчивая.

— Потому что у неё другой такой подруги нет, — лстиво добавил Митя, попытавшись обнять жену за талию. — Только ты можешь её урезонить. Иногда мне кажется, что без тебя она бы совсем по рукам пошла.

— Мить, — недовольно отстранилась Тори. — Да почему ты постоянно её описываешь так, как будто она шалава какая-то? Маринка — обычная несчастная женщина, которой не везёт в отношениях. И на самом деле, хороший и очень добрый человек. К тому же настоящая подруга. Пусть она даже к каким-то вещам слишком легкомысленно относится, зато ради близкого человека всю себя отдаст.

— Так я об этом и говорю — она всю себя отдаёт... кому попало.

— Всё, закрыли тему! — решительно оборвала его Тори.

К счастью, в это время они вышли на улицу, ведущую к центральному проспекту. Людей сразу стало больше, заискрились вывески магазинов, где-то заиграла музыка, загудели машины, заболтал народ. Виктория снова взяла его под руку, но на этот раз совсем не властно, а мягко, по-домашнему. Сменив тему разговора, пара направилась по своим делам. В аптеку.

*

Виктория Романовна распахнула дверь — и нос к носу столкнулась с бородатым мужчиной. Он как раз выходил из аптеки, держа за руку трёхлетнего малыша, который тут же выдал нараспев.

— Ой! Дластуте Витолимановна!

— Здравствуй, Феденька. Здравствуйте, Игорь Евгеньевич.

— Добрый день.

— Витолимановна, а ты чек уже купила?

Тори усмехнулась.

— Ещё не купила, Феденька.

— А мы купили. И маме лекалстов.

— Молодцы.

— Витолимановна, а можно я тебя пожду в налуже?

— Где?

— В налуже! — малыш показал на улицу.

— Нет-нет, Феденька, не надо ждать меня снаружи. Мы тоже сейчас чек купим, и сразу домой пойдём.

— Тогда до свидания, Витолимановна!

— До свидания, Феденька. До свидания, Игорь Евгеньевич.

— Всего хорошего.

Попрощавшись, Тори заняла место в небольшой очереди, тяжело вздохнув. Её лицо стало печальным, словно от приступа меланхолии. Пытаясь справиться с внезапно навалившимся унынием, она вытащила из внутреннего кармана рецепт, тщетно пытаясь разобрать, что в нём написано. Некоторые буквы можно было опознать, но в знакомые слова они однозначно отказывались складываться. Попробовав расшифровать запись и так, и эдак, она протянула листок мужу.

— Можешь прочитать?

— Даже пытаться не буду, — усмехнулся Митя. — Мне кажется, докторов специально такому почерку учат, чтобы они держали в секрете врачебную тайну. В итоге никто, кроме них, ничего не может понять.

— Наверное, — вздохнула Виктория.

— А ты что так закручинилась? Вроде только что всё нормально было?

— Чёрт его знает. Мне кажется, я в садик захотела. Увидела Феденьку — и вдруг поняла, что затосковала по малышне. Как будто чего-то не хватает.

— Торь, — Митя выпучил глаза. — Ты всего пару дней на больничном. Отдохни, поправься нормально, а потом с новыми силами вернёшься на работу. Не гони коней!

— Да, наверное, — легко согласилась Виктория, погрузившись в раздумья. — А может, по нашей Золотке соскучилась. Столько времени уже её не видела... Светлана Степановна говорила, что она ко мне в больницу приезжала, да?

— Сразу прибежала, как узнала. Волновалась, билась за тебя — молодец! Хорошую девчонку мы с тобой вырастили, настоящую. А знаешь что? Давай потом до её общаги дойдём? Тут же недалеко. Да заодно узнаем у неё, как она в полис съездила к доктору.

— Куда?! — удивилась Виктория. — Как в полис?!

— Я тебе потом расскажу, по дороге.

— Мить, к какому ещё доктору она ездила? Ты мне ничего об этом не говорил, — заволновалась Тори. — Почему ты её одну отпустил?

К счастью, её допрос оборвала подошедшая очередь, избавив мужа от неловких объяснений.

— Здравствуйте. Что вам? — фармацевт в белом халате бегло взглянула на рецепт, моментально разобрав нечитаемую надпись и сразу же уточнила:

— Вам дать, что тут указано, или подыскать аналоги подешевле?

— Подешевле, — тут же ответила Виктория.

— Нет, нам нужно то, что эффективнее, — доставая кошелек, не согласился с супругой Митя. На этот раз она не стала упрекать его за то, что он постоянно говорит ей «нет». — Дайте, пожалуйста, то, что выписала врач.

— Хорошо, — кивнула продавец. — Так, что у нас здесь? Это очень хороший препарат от стресса, «Doctor С «Relaxatio» — она взяла с витрины и подала коричневую баночку с золотистой надписью. — Быстро раскупают, так что последний остался. Здесь двести пятьдесят миллиграмм гопантеновой кислоты и различные травы: валериана, мята перечная и, что тут ещё? Да, мелисса. Получается, два варианта приёма. Первый — курсом по одной таблетке утром, в течение месяца, потом отдых. При этом необходимо будет избегать употребления алкоголя и кофе. Это надолго и стабильно. Второй вариант — пить только во время стрессовых ситуаций, а лучше за полчаса до них. Тогда никаких ограничений с алкоголем, наоборот, с похмелья — самое то. Я сама иногда пользуюсь, — доверительно поведала она и обернулась к шкафу за спиной, достав из ящика с надписью «Витамины» ещё один пузырёк с надписью «Doctor С «Somnus».

— А это магний с витаминами В6 и В12, курс на два месяца. Тоже от той же фирмы. Пить на ночь. Магний способствует расслаблению мышц, улучшает качество сна и уменьшает тревожность, а витамины группы В в этом помогают. Ну что, берёте?

— Да, конечно, — ответил за супругу Митя, с довольным видом отсчитал нужную сумму и обернулся к супруге. — Ну что, жена, идём к дочери?

Виктория кивнула со счастливым видом.

*

— Мама! — Златка бросилась на шею матери, едва успев выскочить из дверей общежития. — Мама! Мамочка!

Виктория, не ожидавшая столь бурного проявления чувств, на мгновение замерла, а затем крепко обняла дочь, поглаживая её по спине.

— Золотка, родная... — голос женщины дрогнул. — Как же я соскучилась!

Сердце Мити наполнилось вдохновляющей радостью, хорошо знакомой родителям, гордящимися своим ребёнком. С улыбкой, в которой читалась безмерная нежность, он смотрел, как две самые родные ему женщины застыли в объятиях, не в силах оторваться друг от друга.

Спустя некоторое время Виктория отстранилась, нежно смахнув слезинку, разглядывая с материнским теплом раскрасневшееся и слегка взволнованное лицо дочери.

— Я вчера звонила в больницу, мне сказали, что тебя выписали, — схватив мать за руку, затараторила Златка, задыхаясь от переполняющих её эмоций. — А завтра у нас пятую пару отменили, я думала, что сто процентов прибегу домой. Сегодня сижу, готовлюсь к семинару по теории коммуникаций, и тут говорят: «К вам посетители». Я думаю, кто это в такую пору? Надо же! Мама! Папа! Да что я всё о себе? Мам, как у тебя здоровье? Голова не кружится? Что врачи говорят? Пап, а ты успел тогда свою домашку сделать? — сыронизировала она, заставив отца покраснеть. — Надеюсь, тебе за неё двойку не поставили?

— Злат! Со мной всё в порядке, — остановила Виктория трескотню дочери, — всего лишь недостаток витаминов был. Так что сейчас отлично себя чувствую, можешь за меня не переживать, золотко. А вот я за тебя волнуюсь. Папа сказал, что ты к доктору ездила. Я его уже отругала, что одну тебя отпустил в полис, в такую даль!

— Мам, ну ты что! Я взрослая девочка вообще-то! И сама всё решаю.

— Взрослая она, — проворчала мама, нахмутив брови. — Вот когда сама родишь ребёнка, тогда и будешь взрослой. А пока ты для меня ещё дитя малое.

— Твоё дитя, между прочим, сама, в одиночку съездила в полис, нашла этот медицинский институт — у них он называется «ликей», — и чуть не повстречалась с самим доктором.

Тут Злата поникла, опустив плечи.

— Что значит — «чуть»? — нахмурился Митя.

— А то и значит, пап! Говорила же, надо было вместе ехать! — обиженным и возмущённым тоном начала Златка, глядя на отца с откровенным упрёком. — Не пустили к нему. Там вредная такая баба, Наталья, не помню, как её по отчеству. Вот с таким глубоким декольте, вся раскрашенная, как прости, господи. Увидела меня и сразу начала выпендриваться. Сказала, что это научное заведение и к доктору, к этому, как его, Александру Филипповичу, проходить нельзя. И взгляд у неё такой, знаете, ревнивый, как будто я на свидание к нему пришла напрашиваться. Я и так, и этак её уламывала, но она ни в какую. Пришлось рассказать, что хочу попросить сделать моей маме томографию. Она, как услышала, так вообще чуть ли не матом выругалась и сказала, что такое у них делать запрещено. В общем, пришлось уйти ни с чем. Так что зря съездила, ничего не получилось, — она понуро опустила голову.

— Ничего не зря! — бодро ответила Виктория, ласково поглаживая дочь по волосам. — Вон ты какая у нас замечательная: и в больницу вечером прибежала, и в такую даль одна поехала. Как приятно, что ты так обо мне заботишься. Значит, я хорошая мать, раз такую дочь воспитала.

— Я согласен с мамой, у нас не Злата, а золото, — поддакнул глава семейства, чувствуя себя немного пристыженным, что отправил дочь одну в полис, а сам остался дома. — Тем более в итоге всё хорошо оказалось — и никаких проблем у мамы нет.

К несчастью, беспечный Митя тогда ещё не знал, насколько сильно он ошибается.

*

Возвращаясь домой, супруги решили сделать большой крюк и прогуляться вдоль набережной, с удовольствием вдыхая удивительно тёплый осенний воздух. Неспешно шагая нога в ногу, добрались до маяка, немного постояли, с теплотой глядя на детей, весело играющих на площадке, затем спустились вниз, к пляжу, нашли там уединённую скамеечку и сели, крепко прижавшись друг к другу.

Впереди, чуть слышно плещась, расстилался городской пруд. На его поверхности отражались красные огоньки одиноких лодочных фонарей и жёлтые огни противоположного берега. Некоторое время они хранили молчание, погрузившись в созерцание природы, пока, наконец, Виктория не сказала то, что давно хотела.

— Знаешь, сегодня я провела над собой необычный эксперимент.

— И какой же? — поинтересовался Митя.

Виктория ответила не сразу. Ему даже пришлось уставиться на неё.

— Вышла на прогулку без нижнего белья.

— То есть как? Подожди... ты серьёзно? Вот прямо сейчас что ли?

— Можешь проверить, если сомневаешься.

Митя искоса скользнул по её лицу растерянным взглядом, выискивая малейшие признаки шутки или розыгрыша. Не найдя их, задержался на её губах, чуть приоткрытых от восторга. Всё ещё сомневаясь, он осторожно скользнул рукой под ткань кардигана, однако, едва ощутив правдивость её слов, тут же отдернул ладонь, словно обжёгся.

— Но почему? — Митя невольно огляделся по сторонам, опасаясь, что кто-то мог их услышать или увидеть, и понизил голос до шёпота. — Торь, а зачем это надо?

— Да чёрт его знает... — она обратила взгляд к небу, будто обращаясь к ветру и звёздам. — Давно бредила мысль попробовать чего-нибудь такого, чтобы получить новые впечатления. Захотелось почувствовать настоящую свободу. И вот — взяла и решилась.

— Погоди, — чувствуя себя не в своей тарелке, он слегка отодвинулся. — Это и есть то самое разнообразие, о котором ты говорила?

— Мне кажется, да. Во всяком случае, я ощущаю в себе какую-то странную лёгкость, — она пристально поглядела на мужа. — Хотя поначалу, конечно, было страшновато. Мне казалось, что все о чём-то догадываются. Но чем дальше я шла, тем яснее понимала: никто ничего не знает, — и тогда я наконец расслабилась. А потом начала чувствовать... чувствовать, как ветерок впервые в жизни касается кожи и обдувает те места, — Виктория загадочно улыбнулась, положила ладонь на его колено и слегка сжала, — которые раньше были полностью закрыты. Оказывается, даже простое осознание того, что никто не подозревает о моей тайне, может приносить особое удовольствие, — усмехнулась она.

Её глаза блестели от воодушевления. Митя попытался улыбнуться в ответ, однако улыбка вышла натянутой. В груди боролись противоречивые чувства: с одной стороны — смущение и даже лёгкий страх перед этой новой, незнакомой стороной жены, с другой — робкое любопытство, пробивающееся сквозь стену привычных представлений.

— Ну и как тебе? — его голос прозвучал тише, чем он рассчитывал.

— Да классно, говорю же! — громко и озорно ответила она, шлёпнув его по ноге. — На самом деле я давно не ощущала такой невероятной свободы. Мне даже самой не верится: я всего лишь вышла на улицу без нижнего белья, а ощущение — как заново родилась! Все страхи, все эти дурацкие комплексы — раз — и исчезли, будто их никогда и не было! Но

главное, я поняла, что моё тело принадлежит только мне, а значит, я сама вольна решать, какой мне хочется быть: одетой или обнажённой.

Словно в подтверждение этого, Виктория откинулась на спинку скамейки, вытянула ноги, запрокинула голову и прикрыла глаза — она буквально купалась в своих ощущениях, приглашая мужа присоединиться. Его ладонь неуверенно легла ей на внутреннюю сторону бедра, впрочем, не рискуя забираться под кардиган.

— А как... — он с трудом подбирал слова, не зная, что у неё спросить, — а как это физически ощущается?

— Ты знаешь, это как из душного помещения на свежий воздух выходишь — и сразу легче становится, — ответила Виктория, прислушиваясь к себе. — Очень нежное, чисто женское, ты и не поймёшь, наверное. Мне стало намного комфортнее, потому что ничего не давит и не трёт. Но самое главное кроется в каком-то психологическом обновлении.

Она распахнула глаза, устремив неподвижный взор в темнеющую даль.

— Я неожиданно осознала, насколько сильно зависела от того, что подумают другие. А сейчас пришло понимание: на самом деле этого «общественного мнения» как такового и не существует — по крайней мере, в том виде, в каком я его себе представляла. Теперь я точно уверена: если мне так комфортно — значит, это мой выбор. И никто не смеет меня осуждать или навязывать мне свои правила. Единственное исключение — в короткой юбке я бы так, наверное, не рискнула, — добавила она, как будто возвращаясь в реальность.

— Страшно, конечно, ведь могут увидеть, — понимающе покачал головой супруг, скрепящая руки на груди.

— Нет, не в этом дело, — раскованно рассмеялась она. — Просто мне уже сорок пять, Митя, а не пятнадцать. Я давно не девочка-подросток и не могу позволить себе мини. Возраст — он ведь определяется не датой в паспорте, а длиной юбок и шорт. Чем они короче, тем человек моложе. Раньше я могла надеть что угодно и пойти куда угодно — и это было весело. А теперь больше думаю о комфорте и уместности. Но раз уж сегодня я снова почувствовала себя молодой, то, пожалуй, иногда буду позволять себе что-то смелое — в подходящей обстановке, конечно. К примеру, прогуляться с тобой в тёплую погоду — почему бы и нет? Надеюсь, ты не станешь возражать?

Тори посмотрела на него с вызовом, чуть приподняв бровь. В её взгляде читалась искренняя надежда — она явно ждала от него поддержки. Но Митя лишь неуверенно пожал плечами, чувствуя, как внутри него всё адски сопротивляется. Конечно, он помнил и рекомендацию врача поддерживать жену во всём, и собственное обещание, данное несколько часов назад, — не говорить ей «нет». Однако слова застряли в горле. Вместо ответа он сжал её ладонь и неуверенно кивнул, всё ещё пытаясь осознать, к чему приведёт это молчаливое согласие.

А над прудом повисла тишина, нарушаемая лишь редким плеском воды о берег — будто сама природа затаила дыхание, ожидая, что будет дальше.

*

На следующее утро Митя снова отправился на работу пешком. Он специально ускорил шаг — в таком напряжённом ритме было легче упорядочить мысли, чтобы решить сразу две задачи: разгадать неожиданную выходку жены и продумать план защиты от возможного увольнения. Первым делом Митя сосредоточился на главном — на Виктории.

Поступок супруги не давал ему покоя. Как она вообще осмелилась выйти на улицу без нижнего белья? Конечно, это не на шутку взволновало его — он всё никак не мог понять, что именно испытывает: изумление перед её смелостью или возбуждение, вызванное этой дерзостью.

Вчерашнее откровение заставило Митю поволноваться, но по дороге домой он заметил: на неё действительно никто не обращал внимания. Похоже, поводов для беспокойства и правда

не было — так подсказывал рассудок. И всё же где-то в глубине души всё равно шевелился неприятный червячок тревоги.

Но вот странность — в то же время воспоминание о её поступке задело какую-то потаённую струну в его душе — что-то дерзкое, почти запретное. Вчера, едва переступив порог, они поддались вспышке страсти — быстрой, жаркой, почти отчаянной. И это повторялось уже второй день подряд, что не могло не радовать.

С другой стороны, Митю не покидало беспокойство: супруга слишком явно подавала сигналы о жажде внимания и плотской близости — настолько откровенно, что это начинало тревожить. Если эти знаки были адресованы только ему, он не имел ничего против — пусть ходит хоть голышом, но только дома, когда они вдвоём. Но что, если она начнёт постоянно появляться в таком виде на улице? Митю начал терзать страх того, что её подсознательное послание могут прочесть, а паче того — неправильно интерпретировать другие мужчины. И это, конечно, уже никуда не годилось.

И что делать? Запретить ей так себя вести? Но он ведь сам обещал перестать постоянно говорить ей «нет». Поддерживать её поведение? Но кто знает, к чему это в итоге приведёт?

В этот момент в голове сама собой всплыла мамина поговорка: «Одного потешишь — другому не угодишь». Он тяжело вздохнул — она как нельзя лучше описывала его нынешнее положение, напомнив, что любое решение может оказаться палкой о двух концах.

Пытаясь состыковать противоречивые мысли, Митя остановился посреди оживлённой улицы, уклоняясь от спешащих прохожих, которые обтекали его, как река камень. Он взвешивал все «за» и «против», перестав слышать гул машин, крики детей и звон трамвая вдалеке. Но так ничего и не придумал. В конце концов, махнув рукой с безмолвным «будь что будет», решил оставить всё как есть, отпустив ситуацию и позволив событиям идти своим чередом.

Отложив семейные заботы в сторону, Митя вспомнил об идее, которая пришла ему прошлым утром. Её было недостаточно обдумать — ему захотелось воплотить её в жизнь. Если Виктория нашла в себе смелость бросить вызов условностям, почему он не может сделать то же самое — но в своей сфере? Конечно, для этого требовалось переступить через себя, осмелиться на то, чего он годами боялся даже представить. Однако Митя понимал: ещё немного сомнений — и замысел растворится, исчезнет, как туман на рассвете...

«Я мужик или тряпка, в конце концов?!» — громко спросил он себя, со скрежетом сжав челюсти. Полдня юрисконсульт собирался с духом, снова и снова прокручивая в голове этот вопрос. Мысли то вспыхивали яркой надеждой, то гасли под натиском сомнений. И вот, наконец, набравшись смелости, он робко поскрёбся в дверь директора.

— Да, кто там? Осилин? Что вам? — Антон Бориславович вздрогнул, будто его выдернули из тёплых воспоминаний. Его мечтательная улыбка сменилась привычной строгостью.

— Антон Бориславович, я... я всё сделал в выходные, как вы сказали.

— А что я сказал? — тот откинулся в кресле и рассеянно провёл рукой по волосам, с трудом возвращаясь к рабочим будням. — А! Насчёт этих, как их там? «Бюро». Понятно. Вы это... Согласуйте с ними ваш новый расчёт, потом вместе с Устиновым прикиньте, чё почём, и можете запускать дела в работу. Всё понятно?

— Да, — неуверенно произнёс Митя. — Но я тут подумал...

— Чего? — надменно поднял брови Антон Бориславович. — Вам ещё что-то нужно?!

— Н-нет, — нерешительно сдвинулся Митя и вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

Рассказать о своём плане он так и не рискнул. Вместо этого, хихикая в кулачок, тайком нацарапал на листочке бумаги несколько строк, озаглавив их «Начайник»:

«Впопыхах принимая решения, ручку вставив, будто чайник, рассуждает преумный начальник, мозг уютно устроив в сиденье. Речь его и умна, и пригожа, смысл растрчивая в предложеньях, всё чайком запивает печенье эта главная, мудрая рожа. О, великий и всемогущий! Всевозможные кары пророчишь... Разумея — чего же ты хочешь, будет легче блуждать

в этой пуще. Не сверли меня, грешного, взглядом, не гневись и позволь молвить слово: в мире нет больше чуда такого. Да и не было. Да и не надо».

*

Придя с работы, Митя застал дома неожиданную картину: дверь на кухню была приоткрыта, оттуда раздавались оживлённые голоса, а в воздухе витал знакомый аромат ягодной настойки. Судя по всему, вместо ожидаемого унылого чаепития двух грустных дам, Тори с Маринкой устроили настоящую пирушку — и успели пригубить не одну рюмку: они без умолку болтали, как заводные. Разговор лился бойко — то скакал с темы на тему, словно горный ручей по каменистому порогу, то неспешно растекался, будто полноводная река по обширной долине. Барышни обсуждали всё подряд, включая темы, которые в приличном обществе обычно обходят стороной, а их беседу то и дело прерывали взрывы хохота.

Митя замер в прихожей, невольно улыбаясь. Его захлестнула ностальгия, и на душе стало тепло: эти голоса, этот смех, этот уютный аромат — всё это было так хорошо, так по-домашнему. Он даже не стал сразу заходить — несколько мгновений просто стоял, впитывая атмосферу, и лишь чуть позже, громко хлопнув входной дверью, чтобы обозначить своё присутствие, крикнул:

- Торь, это я вернулся. Марина уже у нас? Всем привет!
 - Привет, соседка. Давненько мы с тобой не виделись.
 - Мить, ты хлеба купил? А колбасы с чаем, как я просила?
- Сбросив обувь, Митя прошёл в верхней одежде на кухню:
- Купил, Торь, купил. Ну, привет, всему честному народу.
 - Привет, привет, Димуль. Ну как ты, всё стройнееешь?
 - Да куда там, годы берут своё. А ты всё хорошеешь?
 - Как видишь. Два дня проревела, да к вам пожаловала.
 - Митюша, пальто снимай в прихожей, сколько говорить?
 - Виктория, подожди, дай хоть с человеком поздороваться.
 - Поздоровался? Теперь шуруй раздевайся. Есть будешь?
 - Буду, конечно. А вы, я погляжу, настоечкой балуетесь?
 - Да так, понемножку. И тебе оставили, не переживай.
 - Вот спасибо, девчата! Щас руки помою — и за стол.

Маринка, их бывшая соседка по подъезду, — пышнотелая и разбитная бабёшка с озорным огоньком в серых глазах — сильно изменилась с последней встречи. Лицо опухло, взгляд потускнел: то ли от слёз, то ли от алкоголя, которым она, похоже, заливала горе после очередного неудачного романа, — и теперь выглядела старше Виктории, хотя на самом деле была на несколько лет моложе. Спасал её, пожалуй, только смех — звонкий, заразительный, искрящийся. Маринка никогда не усложняла жизнь, щедро делясь своей душевной лёгкостью, и Тори от всей души хохотала над её ироничными фразами — чуть откинув голову назад, с лёгким, почти девичьим задором.

Пока Митя мыл руки, он вспоминал, как началась их дружба. Всё закрутилось вокруг детского сада: когда их дети попали в одну группу, женщины договорились о графике — в один день малышей вела Тори, в другой — Марина, а вечером Митя забирал обоих.

Маринкин муж редко появлялся дома — всё время проводил на заработках, почти не принимая участия в семейной жизни. Совместные заботы невольно сблизили соседок, а после развода Марины их взаимоотношения стали ещё крепче. Митя видел, с какой искренней заботой его жена поддерживает подругу. Однажды Тори даже осталась у неё ночевать: Марина находилась на грани нервного срыва, и ей была нужна опора. Правда, Митя подметил, что после той ночи жена какое-то время пребывала в растерянности, а у Маринки появилась дурацкая

привычка — игриво шлёпать Викторию по попе. Первое время это очень его раздражало: он не любил, когда к его супруге прикасался кто-то посторонний. Но потом ничего — смирился.

Расставшись с мужем, Маринка словно сорвалась с цепи: без разбора знакомилась с разными мужчинами — якобы в поисках семьи, но, похоже, по каким-то иным причинам. Поначалу они с сыном продолжали жить вдвоём в прежней квартире, однако потом парнишка, устав от карусели маминых ухажёров, молча собрал вещи и ушёл от неё к отцу.

Узнав, что бывшая супруга ведёт беспутный образ жизни, тот поставил суровое условие: если сын будет жить с ним, то их квартиру следует разменять. Так она переехала на другую улицу, и подруги стали видаться гораздо реже. К тому же незадолго до этого между Мариной и Викторией произошла серьёзная размолвка.

Уловив знакомый ягодный аромат настойки, Митя невольно вспомнил тот вечер: как голос Тори становился всё резче, как Маринка сжимала кулаки, готовая наброситься на супругов, как воздух сгустился от напряжения. Хорошо, что уже на следующий день они сумели преодолеть взаимную обиду и помириться: встретились, обнялись, обменялись парой неловких шуток — и вот уже смеялись, будто ничего и не было. Хотя неприятный осадок всё же остался, отношения восстановились и вновь обрели прежнюю теплоту, как прежде, — разве что Марина стала гораздо реже проявлять фамильярность по отношению к Виктории.

Сам же Митя в их взаимоотношениях всегда играл второстепенную роль. Он относился к Марине доброжелательно, однако особого интереса не проявлял. Они обнимались при встрече, поздравляли друг друга с праздниками — но строго в рамках приличий. Муж подруги и подруга жены — и только.

Вот и сегодня Митя лишь формально присоединился к застолью. Не испытывая ни малейшего желания погружаться в женскую беседу, которая при его появлении сделалась заметно более сдержанной и оттого предельно скучной, он вежливо посидел с ними полчаса, пригубил настоечки, чтобы снять напряжение, послушал свежие сплетни и под благовидным предлогом удалился к себе, то есть в комнату Златки. Захлопнув за собой дверь, услышал характерный щелчок, но та не заперлась, а, напротив, приоткрылась ещё шире, донося до него возбуждённые голоса женщин и уже казавшийся приторным запах настойки, будто и не было в нём никакого ягодного аромата, а только сахар и спирт.

Поначалу дамочки разговаривали негромко, но постепенно взвинтили тональность. Маринка, как заведённая, рассказывала про очередного «не такого, как надо» кавалера, а Тори поддакивала и хихикала в тех местах, где это ожидалось. Но Митя никак не мог отделаться от ощущения, что её реакция фальшива. Смех звучал неестественно, будто Тори заучила его наизусть и теперь воспроизводила по команде.

Брови Мити сошлись на переносице, а губы сжались в тонкую линию. Внезапно их болтовня начала вызывать у него отторжение. Ему захотелось встать и с грохотом захлопнуть дверь — как можно более демонстративно, чтобы они наконец поняли его отношение к происходящему. А услышав похабные фразы, сорвавшиеся с уст подвыпившей супруги, это желание стало ещё сильнее. Он уже было собрался выйти на кухню, собираясь обрушить на них своё возмущение — и по поводу содержания беседы, и из-за того, что его дорогая половина хлещет эту вонючую настойку посреди недели. Но, поразмыслив, остыл. В конце концов, у неё отпуск, следовательно, его женщина имеет полное право немного расслабиться.

С трудом сдерживая накапливающееся раздражение, он для проформы разложил на столе рабочие документы и, стараясь отрешиться от доносившейся трепотни, погрузился в сочинение своей любимой «стихопрозы». Из-под пера стали появляться первые строки:

«Ну что вы, право, к женщине пристали? У ней без вас довольно всяких бед! Она устала. Вы б ей лучше дали... один, но очень правильный совет. Она не знает, как любить и верить. Она не знает, как его забыть. Она всё смотрит на часы и двери. И ждёт его. Не нужно торопить.

Она ж не верит в то, что он с концами, она ж не хочет, чтобы насовсем... Послушайте, ну что же вы пристали? Пойдите прочь уже! И вы! И вы! И все!»

Внезапно его творческий порыв оборвал резкий, захлёбывающийся взрыв пьяного хохота, разом разрушив хрупкую атмосферу сосредоточенности. Он попытался вернуться к поэзии, но только что рождённое стихотворение теперь показалось ему донельзя фальшивым. Митя с гневом скомкал лист, отбросив его в сторону. Затем, остыв, всё же поднял мятую бумагу, расправив её складки дрожащими от негодования пальцами.

Рассказ Маринки тем временем стал откровенным до неприличия — но, вопреки всему, он не мог найти в себе сил закрыть дверь и перестать слушать. В нём боролись два чувства: крайнее отвращение смешивалось с необъяснимым любопытством.

— Игорёха, конечно, мужик работающий! Прямо этого не отнять. Дома всё сделано, почищено — своими руками. И перекрыть течь, и на жену лечь, как говорится. Правда, болтик прикрутить — тут он мастер, но вот если надо что-то посложнее, где не руки нужны, а... — Маринка прошептала что-то неразборчивое и ни с того ни с сего залилась громким смехом, а Тори подхватила его — ещё более звонко, ещё более развязно.

Митя почувствовал, как кровь прилила к лицу. Он сжал ручку так, что та чуть не треснула. Их посиделки превращались в какой-то постыдный балаган, где его жена — его сдержанная, умная Виктория — вела себя так, словно потеряла всякий стыд. А бывшая соседка тем временем продолжала:

— Вот, как видишь, опять всё у меня пошло по одному месту.

— Так, а чего тебе от него ещё надо? Живи да живи.

— Да он мне в душу плюнул, понимаешь? Он меня оскорбил.

— Рассказывай, давай. Что там у тебя приключилось?

— Не поверишь, я просто попыталась его расшевелить, а он...

Она заговорила тише, но Митя слышал всё, до звука.

И перед его внутренним взором разыгралась яркая картина.

Марина познакомилась с Игорем пару месяцев назад на дне рождения общих друзей. Между ними сразу же проскочила искра, так что ближе к окончанию вечера у неё возникло стойкое и непреодолимое желание как можно быстрее почувствовать его в себе.

Их роман закрутился стремительно: той же ночью они занялись любовью, а проснувшись утром, решили, что, в общем-то, друг другу подошли. Желая ускорить события, Марина решительно отказалась от долгих романтических игр и сразу предложила Игорю переехать к ней, рассчитывая наконец устроить своё личное счастье.

Однако отношения быстро дали серьёзную трещину из-за разницы темпераментов. Стремительная, жизнерадостная, влюблённая в танцы и развлечения, Маринка оказалась полной противоположностью Игоря, предпочитавшего размеренную жизнь: ремонт машин днём, новости по телевизору вечером и рыбалка по выходным — вот, пожалуй, и всё, что его интересовало.

В интимной сфере эта разница проявлялась особенно остро. Ей были необходимы эксперименты в постели, безудержная страсть и регулярные оргазмы, тогда как её партнёр довольствовался редкими и короткими контактами, отводя на секс едва ли десять минут в неделю, да и то исключительно для крепкого и здорового сна. Её неудовлетворённость создавала постоянное напряжение, заканчивающееся регулярными скандалами, которые, конечно, ни к чему хорошему не приводили. Не раз Марина, плача, жаловалась своему кавалеру на чувство внутренней пустоты в прямом и переносном смысле. Несмотря на свою флегматичность, Игорь всё же не был бесчувственным поленом, поэтому иногда старался сделать моменты их близости хотя бы более продолжительными... но надолго его запала не хватало.

И вот, после очередной перепалки на фоне бурных эмоциональных качелей, что регулярно возникают у женщин, уязвлённый Игорь предложил, чтобы она сама придумала для них что-нибудь интересное, дабы разнообразить отношения, а он обязуется реализовать её фантазии. И тогда, наверное, между ними перестанут вспыхивать ссоры на этой почве.

Марина просияла и тут же согласилась. Чуть не повизгивая от удовольствия, она энергично принялась за работу. Вечером, дождавшись, когда её домосед пораньше ляжет спать, авантюристка включила канал для взрослых и с энтузиазмом принялась отсматривать ролик за роликом, пока не наткнулась на то, что её зацепило, — а уже на следующее утро с головой окунулась в воплощение фантазии.

Первым делом она помчалась в свой любимый магазин пикантных аксессуаров, купив там не только то, что планировала изначально, но и эффектный наряд для роли покорной любительницы подчинения, которую собиралась сыграть в предстоящем ночном представлении. Несколько дней подряд искусительница не находила себе места, чуть ли не ежеминутно представляя, что ждёт её в грядущие выходные, время от времени ненадолго уединяясь в ванной, чтобы немного сбросить накопившееся напряжение.

Наконец наступила пятница. С самого утра Марина начала приводить себя в порядок: нанесла маску, побрила там, где это было необходимо, прошла скрабом по всем проблемным зонам, нанесла крем, сама себе подровняла волосы, завилась и ярко накрасилась. Ближе к приходу своего кавалера Марина разоблачилась, сняв повседневную одежду, а затем медленно, под музыку, перед зеркалом надела то, что прикупила в магазине для взрослых.

Скорее всего, тот вечер мог завершиться удачно, но соблазнительница совершила фатальный промах, обернувшийся роковыми последствиями: вместо привычной настоечки собственного приготовления она поставила на стол бутылку недорогого коньяка. Конечно, эта идея была не лишена здравого смысла — хорошенько подпоить непритворного мужика, сделав его более разнузданным и легкомысленным. Но то ли алкоголь оказался не слишком качественным, то ли вечерний ужин не насытил уставшего богатыря, но результат оказался плачевным. Впрочем, обо всём по порядку.

Выйдя после душа, его взору открылась романтическая картина: за кухонным столом, в наряде, который мало что скрывал, в трепетном предвкушении беззастенчиво устроилась его страстная женщина. На столе в лучах двух свечей вздымалась продолговатая бутылка коньяка, на одной тарелке призывно набухли засоленные икринки горбуши на бутербродах с мягким маслом, на другой — бесстыже сочились влагой свежие плоды сочной хурмы, готовые по первому зову излить свою мякоть прямо в зовущее чрево.

Игорь плюхнулся рядом с Мариной, приобнял её и, как глава неофициальной семьи, поднял первый тост за избранницу его судьбы. Хозяйка скромно потупила взор, жеманно поглядывая из-под ресниц на своего избранника. Стремясь поскорее приблизить час истины, она не давала ему передохнуть — всё подливала в рюмку крепкий коньяк. Уже через полчаса бутылка подошла к концу, а Игорь — к нужной кондиции. Увидев, что благоверный начал повторять слова по два раза и менее членораздельно говорить, Марина мягко взяла его под руку и повела в спальню.

Она включила ночную лампу с приглушённым светом, вытащила из-под шкафа новенькую блестящую коробку с амурными товарами, изгибаясь, как кошка, улеглась на постель, раскинулась в форме звезды и предложила своему рыцарю привязать её к ножкам кровати.

Покачиваясь и не совсем понимая, что делает, Игорь достал из коробочки четыре красных кожаных ремня с металлическими пряжками, каждый из которых крепился карабином к длинной ленте. С трудом разобравшись с конструкцией, бормоча: «Ну-ка, ну-ка, как тут...», герой-любовник принялся надевать ей на руки ремни, а затем привязывать их к ножкам кровати. Марина даже замурчала, принявшись тереться телом в предвкушении удовольствия.

Но когда Игорь принялся присоединять таким же манером ноги, то на него сначала напала икота, потом он никак не мог справиться с застёжками на ремнях: они выскальзывали из рук, не желая застёгиваться. Игра начала затягиваться. Марина даже занервничала, глядя на его лицо, которое совсем перестало выражать эмоции, приняв идиотское выражение.

Игорь почти завершил начатое, еле надев на неё специальный кляп в виде шарика, как вдруг его качнуло в одну сторону, потом в другую. А затем, издав булькающий звук, он бросился в туалет, откуда начали доноситься звуки, которые знает любой человек, хоть раз перебравший с алкоголем.

Марина, растянутая за руки и ноги, с кляпом во рту, всё ждала возвращения кавалера, надеясь, что Игорю полегчает и её обольститель продолжит начатое. Затем надежда сменилась злостью, страхом, апатией, а он всё не возвращался. Изредка хлопала крышка унитаза, раздавались гортанные звуки, слышался шум смываемой воды, и всё надолго смолкало. Марина пыталась позвать своего подвыпившего донжуана, но из-за проклятого кляпа могла издавать лишь нечто нечленораздельное.

Долгое время стояла тишина — и вот наконец Марина услышала, как её кавалер, тяжело дыша, выходит из туалета. Сердце забилося чаще... Но вместо спальни шаги прошлёпали в гостиную! Скрипнул диван, и уже через минуту оттуда донёсся оглушительный храп.

Марина пыталась его звать, но крикнуть не получалось. Поняв, что всё кончено и она не в силах развязаться, несчастная искусительница горько разрыдалась и плакала так долго, что уснула только глубокой ночью, отключившись от тревог и волнений брэнного мира.

Под утро её разбудили неловкие толчки. Проснувшись, Марина увидела, что Игорь робко отстёгивает её, снимая с рук и ног кожаные ремни. Освободившись, она сорвала с себя кляп-шар, со всей силы бросила им в сконфуженного сожителя и убежала в ванную: отмывать лицо от туши, срывать бельё и лезть под воду, пытаясь смыть с себя унижение прошедшей ночи. Игорь пытался было извиниться, но ненависть, накопившаяся за ночь адских мучений, не дала ему даже шанса.

В этот же день они расстались.

Маринка снова осталась одна.

*

— Рассказывай, что там у неё стряслось? — как можно более равнодушно спросил Митя, едва Виктория, закрыв дверь за подругой, вошла в его комнату. Он решил сделать вид, что ничего не слышал.

— Да как всегда, — небрежным жестом отмахнулась Тори, присаживаясь к нему на диван. — Недопонимание, сплошное недопонимание.

Она села чуть дальше обычного, будто сохраняя дистанцию, но затем, передумав, пододвинулась ближе, слегка коснувшись его бедром.

— Как у всех, наверное, — понимающе ответил Митя. — Мне кажется, в каждой семье одни и те же сложности, просто все решают их по-разному. Одни считают, что проблему можно преодолеть сменой партнёра — вот, как Маринка: ищет, ищет, но уже столько лет никого найти не может. А другие, типа нас с тобой, пытаются найти компромисс.

— И как ты думаешь, у нас получается? — не удовлетворившись текущим положением тела, Тори решила прилечь, положив голову супругу на бедро, беспечно подмяв под собой разбросанные документы. По замедленным движениям и чуть заплетающейся речи было заметно, что она навеселе.

— Что именно? — он попытался аккуратно вытащить из-под неё бумаги.

— Находить компромисс, — Виктория нащупала затылком самое мягкое место и устроилась поудобнее, чуть повернув голову так, чтобы видеть его лицо. Её глаза блестели — то ли от алкоголя, то ли от скрытого азарта.

— Не знаю, — Митя принялся складывать мятые документы в ровную стопку. — Вроде два дня подряд его находим. Ты разве не заметила?

Тори заразительно засмеялась.

— Как не заметить. Я от этого ух, в каком восторге! И у меня, кстати, созрел чудесный план — я придумала кое-что новенькое для укрепления наших интимных отношений. Но это должно быть нашим совместным решением. Согласен? Ми-ить?

Она слегка надавила затылком на верхнюю часть бедра, пытаясь разбудить в нём что-то, и посмотрела снизу-вверх — невинным взглядом, но с лёгкой искрой в глазах.

— Интересно, — проворчал он. — Значит, говорить «нет» мне нельзя, а решение должно быть совместным. Как-то не очень логично получается.

— Кто сказал, что в желаниях женщины есть логика? — рассмеялась Виктория, обдав его густым ароматом настойки. — Ну так что, согласен?

— Говори уже давай, чего ещё придумала? — буркнул он. — Снова пойдём гулять без трусов?

— Не-е-ет, — во весь голос расхохоталась она, схватила за живот и даже подёргала ногами. — Нет, Мить. Я сегодня уже никуда не пойду, я о другом хотела поговорить.

Митя вопросительно поднял брови, но Тори сделала небольшую паузу, словно решаясь, сказать или нет. Она медленно провела пальцем по его руке, а затем быстро заговорила:

— Может... может быть, как-нибудь сходим в магазин для взрослых, а? Маринка мне сегодня все уши про него прожужжала, сколько там всего интересного есть. Она мне и это нахваливала, и то. Рассказывала, как пользоваться и всё такое. А сижу и думаю, что нам с тобой уже пятый десяток, а мы вообще ни разу там не были. Даже неловко, от того, что ответить ей нечего. Так что скажешь?

Митя не нашёл в этом ничего предосудительного, пожал плечами и вздохнул, тем самым выразив своё положительно-нейтральное отношение к этому вопросу. Тори улыбнулась его ответу и снова принялась нащупывать затылком там, где мягкое место немного затвердело, причём, судя по её игривому настроению, она не отказалась бы, чтоб там стало ещё твёрже.

Её пальцы снова скользнули по его руке.

— Ми-ить, а Мить?

— Ну чего ещё?

— В пятницу на улице обещают до плюс двадцати восьми, самый жаркий день бабьего лета, говорят. А в субботу температура упадёт, да ещё дожди могут начаться. Мне так жалко единственный жаркий день дома проводить! Маринка уговаривает меня с ней на озеро съездить, позагорать. На электричке, подальше от чужих глаз, у неё там место заветное есть. Она мне его так красочно описала, что очень захотелось уехать, побездельничать, на солнышке поваляться, книжку почитать. Ты же не будешь против?

Тори говорила энергично, будто боялась, что он перебьёт, и при этом внимательно разглядывала свои ногти — подчеркнуто небрежно, слишком старательно.

— Да почему я должен возражать? Езжайте, конечно. Я-то в любом случае работаю.

— Спасибо, дорогой. Ты у меня такой хороший. Самый лучший!

Митя скромно покивал головой и сделал вид, что пытается разобраться в бумагах, однако его супруге такой ход дела оказался не по нраву. Она резко села, крепко прижалась к нему всем телом, дыхнув в лицо тяжёлым амбре.

— Ми-ить, а Мить?

— Что вам ещё, Виктория Романовна? — с напускным раздражением ответил он.

— А чего ты с нами сидеть не стал? — игриво подняла брови вверх она.

— Да так... У вас там женские разговоры. Зачем я нужен?

— А я подумала, что ты стесняешься...

— Кого?

— Маринки.

— Почему это я стесняюсь?

— Как почему? После того случая.

— Торь, это же тысячу лет назад было!

— Просто Маринка мне знаешь, что сказала?

— Что?

— Эта нахалка заявила, что если б всё повторилось, то она поступила бы так же. Представляешь, какая бесстыдница?

— Совсем уже офонарела! — выпучил он глаза. — А ты что?

— А что я? — Виктория поднялась с дивана, поправила домашний халат, дерзко взглянув на мужа. Она выдержала паузу и медленно направилась к двери, покачивая бёдрами — не столько соблазнительно, сколько демонстративно. У самого порога обернулась, бросив взгляд через плечо, и добавила:

— Я ответила ей, что на этот раз не стала бы возражать.

И вышла из комнаты, оставив Митю с открытым ртом.

*

— Антон Бориславович, можно? — Митя нерешительно замер в дверях.

— Осилин? Чего тебе опять? — Антон Бориславович демонстративно посмотрел на наручные часы.

— У меня... в общем... короче говоря... — Митя запнулся, нервно покашляв в кулак.

— Осилин, не задерживайте меня. Есть, что сказать — говорите, нет — идите, занимайтесь делом.

— У меня есть что сказать, — Митя смущённо проскользнул в кабинет руководителя, затараторив. — Антон Бориславович, в общем, я все выходные занимался документами «Бюро взыскания» и вот такая мысль пришла в голову. Всю неделю размышлял, обдумывал, стоит вам говорить или нет...

— Осилин, давайте короче, — поморщился директор. — Мне некогда слушать пустую болтовню.

— В общем, я понял, что многие должники совершенно не понимают, как устроены нормы кредитования. То есть берут займы, даже не разбираясь толком в их условиях, а потом платят по пять лет одни проценты и комиссии, в то время как их долг лишь растёт. Из этого я делаю вывод о том, что у таких людей низкий уровень финансовой грамотности.

— Это и ежу понятно, что такие кредиты берут только конченные дебилы. И что дальше, Осилин?

— Так вот. Поскольку эти люди толком не разбираются в законах, то тогда, скорее всего, они вряд ли будут обжаловать судебные решения. — Митя шагнул ближе к столу, а его голос стал твёрже. — Смотрите: с их точки зрения, это не банк, а они нарушили закон, перестав платить кредит. Значит, должники чувствуют за собой вину. Поэтому, когда на них подадут в суд, они примут этот факт за должное и снова будут платить.

— И? — поморщился Антон Бориславович.

— И тут самое главное. Когда мы подаём на них в суд в исковом порядке, то, соответственно, платим стопроцентную пошлину. Но если мы будем подавать в упрощённом, приказном порядке, то нам нужно будет заплатить всего пятьдесят процентов. А поскольку «Бюро взыскания» перечисляют оплату пошлины в полном размере, то мы экономим значительную сумму — ровно половину.

Пока директор морщил брови, пытаясь уловить суть, Митя продолжил более уверенно:

— И ещё. По договору мы должны сопровождать каждое дело в суде, правильно? — он поднял указательный палец, отмечая важный пункт. — Это значит, что наши юристы обязаны

ходить в суд, тратить на это человеко-часы. Но переключившись на судебные приказы, нам придётся только оформлять их и отправлять по почте, потому что присутствие в суде истца и ответчика в приказном порядке не требуется. Таким образом, мы и условия договора выполним, и расходы сократим — нам же не нужно будет ходить на заседания в суд. Ещё одна выгода.

— Так-так, — потёр подбородок Антон Бориславович. Его взгляд стал рассеянным, он явно силился осмыслить идею, но никак не мог её ухватить. — А напomini-ка мне о судебном приказе, что-то я детали подзабыл...

— О! — оживился Митя. — Для нас это прекрасный документ, поскольку помимо судебного решения он является ещё и исполнительным документом. То есть по нему мы можем сразу накладывать арест на имущество должников. При этом, повторяюсь, приказ выносится в упрощённой форме, без судебного разбирательства. То есть от нас достаточно отправить по почте заявление о вынесении судебного приказа, приложить копию кредитного договора, расчёт задолженности — и всё. Через десять дней после получения суд выдаёт приказ, ещё десять дней даётся должнику, чтобы его обжаловать, а если обжалования не будет, то мы можем сразу идти к приставам и взыскивать деньги.

— Погоди, а вдруг должник всё же возьмёт и обжалует приказ?

— Тогда мы можем подать как обычно, в исковом порядке.

— А пошлину нам нужно будет заново платить?

— Нет! В том-то и дело, мы можем доплатить оставшиеся пятьдесят процентов и снова подать исковое заявление. То есть мы ничего не теряем, только приобретаем.

— Хм, — задумался Антон Бориславович, а Митя не сбавлял напора:

— В общем, даже если половина должников обжалуют приказы, то оставшаяся половина позволит нам сэкономить как деньги, так и время. Вот такая у меня идея.

— Так, так, — директор поднялся с места и заходил по кабинету, явно пытаясь осмыслить услышанное. Затем открыл дверь в общий кабинет. — Устинов! Зайдите ко мне.

Потряхивая объёмным животом, Устиныч прибежал по первому зову.

— Устинов, тут Осилин предложил одну идею. Вам надо этот вопрос с ним хорошенько обсчитать, а потом прикинуть, выгодна она нам вообще или нет. Я завтра вечером подъеду в офис, позову вас обоих, и мы вместе ещё раз все моменты перетрём. А теперь оба свободны, мне нужно хорошенько пораздумать.

Директор задумчиво погладил острый подбородок, остановив выходящего из кабинета Митю.

— Да, Осилин. Рад слышать, что вы наконец заморочились о пользе для нашей компании. — Его тон стал чуть теплее, но во взгляде всё ещё читалась некоторая растерянность. — Это именно то, чего мы ждём от работников. Молодец, продолжай в том же духе!

— Спасибо, Антон Бориславович, постараюсь соответствовать. — Митя кивнул, его губы тронула едва заметная улыбка — он почувствовал, что сумел донести свою мысль.

*

— Привет, дорогой! — Тори издалека помахала ему.

— Привет... — растерянно хлопал глазами Митя, удивлённый её внешним видом супруги.

Виктория пришла встречать его не в привычной мешковатой одежде, а в новой бежевой тунике с короткими рукавами, обтягивающих голубых джинсах (которые она не надевала уже лет пятнадцать) и в босоножках на высоком каблучке, пылившихся в коробке со времён далёкой молодости. Если добавить к её образу яркий макияж и уложенные волосы, то станет понятно, почему она привлекала внимание многих мужчин, выходящих из офисного здания.

Едва Митя подошёл поближе, как сразу почувствовал, что у него загорелись уши — то ли от стыда, то ли от волнения. Взгляд невольно скользнул по силуэту Виктории. Туника мягко

облежала фигуру, повторяя каждый изгиб. Сквозь тонкую ткань едва заметно проступали очертания — достаточно, чтобы не оставалось сомнений: под одеждой ничего нет. Он на мгновение замер, поражённый этой демонстративной откровенностью.

— Торь, ты чего так вырядилась?

— Как?

— Ты так одета... легко.

— А ты посмотри, какая чудесная погода сегодня на улице! Бабье лето в этом году какое-то невероятное! Двадцать пять градусов, представляешь? Так что пуховик мне надевать ещё рано, — засмеялась она, взяв мужа под ручку. — Ну что, пойдём, прогуляемся?

— Торь, но ты без лифчика, — чуть не шёпотом возразил Митя, оглядываясь, как бы кто не увидел и не услышал. — Ты как в подобном виде?

— Ой, Мить, в такую погоду я отказываюсь его носить, — капризно ответила она. — В нём слишком жарко, а я совершенно не хочу потеть.

— Всегда было не жарко, а сегодня прямо разжарило, — недовольно буркнул он, чувствуя, что закипает.

— А тебе что-то не нравится? — удивилась она.

— Мне-то нравится. Но не только мне, а ещё и всем вокруг.

Митя намеренно свернул с прямой и людной дороги по улице на менее посещаемую узкую тропинку через дворы, заросшую по краям лопухами и крапивой.

— Женщина должна думать прежде всего о собственном удобстве, а не обо всех вокруг, тебе не кажется? — не согласилась Тори. — Если это позволяет мне чувствовать себя комфортнее, то почему бы и нет? К тому же, говорят, что постоянно носить бюстгальтер вредно, так что это ещё и вопрос здоровья, — она начала загибать пальцы. — И дышать легче. И ничего не врежется. И самое главное — мне самой это нравится. Так что почему я должна терпеть неудобства из-за чьего-то недовольства?

— Почему это чьего-то? Моего! — громким шёпотом отозвался он, чтобы его не услышала идущая навстречу молодая пара, окинувшая взглядом Викторию с головы до ног, при этом полностью проигнорировав её шокированного спутника. — Я не могу понять, зачем привлекать излишнее внимание?

— Мить, так любой женщине это важно! — громко возразила ему Виктория. — Ты просто не можешь этого понять, или не хочешь принять, но это действительно так! Если я хорошо выгляжу, что в этом плохого?

— А то, что на тебя все глазают!

— Пусть глазают, мне не жалко. Я же никого себе не ищу, в конце концов. Вы, мужчины, вообще, народ подозрительный. И ревнивый. Поэтому часто пытаетесь найти причину там, где её нет. Вот как ты сейчас, например.

— Да как это нет причины? — возмутился Митя. — Отсутствие лифчика — это преднамеренный повод для соблазна. Ты как будто всем говоришь о своей доступности.

Виктория даже остановилась. Ему тоже пришлось притормозить.

— Мить, ты что, с дерева упал? Какого соблазна? Какой доступности? Это вопрос исключительно удобства. Вон, глянь, — она показала пальцем, — возле песочницы два алкаша с голым торсом загорают, пиво пьют. И что-то никто им поперёк слова не говорит, не обвиняет в провокации. А если я хочу в жару чувствовать себя комфортно — так я, значит, мужиков соблазняю? Что за бред? — спросила она совершенно спокойным тоном. — Тем более я же не в открытом белье, глянь, туника совсем не прозрачная. Она не вульгарная. Не обтягивающая. Без декольте. Под ней ничего не видно. Мить, ты что?

И действительно, туника выглядела абсолютно безобидно: скромная, свободная, ничуть не вызывающая. Осознав её правоту, он смутился оттого, что подумал о супруге плохо. В голове пронеслось: «Да как ты вообще мог заподозрить Викторию в желании кого-то соблаз-

нить?» Она всегда была образцом такта — и в словах, и в одежде. А он, не разобравшись, сразу приписал ей двусмысленные намерения.

В это время солнце вышло из-за облака, озарив Тори золотистым светом. На мгновение она показалась ему такой же молодой, как много лет назад, когда они только познакомились. Ветер слегка приподнял прядь её волос, и Митя вдруг заметил, как она красива — не вызывающе, а естественно, по-настоящему. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь тонкую ткань туники, мягко очертили контуры фигуры, изящно подчеркнув то, что обычно скрывают линии белья.

Со смущением подставив ей локоть, Митя дождался, когда Виктория возьмёт его под руку, но на этот раз жена сама повела его, правда, уже не вглубь двора, а наоборот, в сторону улицы. Он не стал сопротивляться.

— Да я и не про тебя говорю, Торь, — начал оправдываться Митя. — Мы, мужики такой народ, как ты говоришь, который во всём увидит намёк, даже если его и нет толком.

— Какой может быть намёк, когда ты со мной? — фыркнула Тори. — И опять же, почему я должна заботиться о том, что думают какие-то ненормальные мужики?

— С чего ты взяла, что ненормальные?

— Мне кажется, нормальные и отнесутся нормально. В конце концов, мы живём в современном, цивилизованном обществе.

— Тогда, наверное, я тоже ненормальный! — повысил тон Митя. — Лично я считаю совершенно непристойным появляться на людях без бюстгалтера — это выглядит ужасно пошло.

— Ах так? А не кажется ли тебе, цензор ты наш, что всё зависит от конкретной ситуации и места? — парировала она. — Я соглашусь, что на официальной встрече или на работе это неприемлемо, там обязательно должен соблюдаться какой-то, я не знаю, корпоративный стиль. Но почему на прогулке с мужем я не могу надеть ту одежду, что мне по душе?

— Ключевое слово — с мужем! Но до меня-то ты одна шла!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.